

*Принадлежу
всем вам*

Жизнеописание игумении
Спасо-Бородинского монастыря
Марии (Тучковой).
Письма свт. Филарета Московского
к ней

*Одобрено Издательским Советом
Русской Православной Церкви*

Москва 2003

Желающий быть действительно Христовым человеком и надеющийся на вечные блага обязан с радостью принять и скорби, и труды; как богатство, страдание вменить себе в покой, суровую жизнь — в наслаждение, укоризну — в честь, оскорбления — в славу, потому что в этом — слава рабов Божиих, следующих за своим Господом и покорных словам Его. Подвижник и воин Христов не только должен переносить укоризны, но и богатство считать прахом. А если встретит славу и начальство — не превозноситься и не надмеваться; если похвалы и почести от людей — считать их незаслуженными. Лучше же сказать, обо всем, что считаем славным, скорбеть и что бесчестно в мире, тому радоваться. Желающий быть христианином в скорбях и искушениях (как при внешних, людьми причиняемых обидах, или гонениях, или ущербах, или подобном тому, так и при внутренних нападениях духов злобы) да будет сам себе равен, мужественно перенося все, что ни случится. Твердой, ограждением и столпом крепости от лица вражия имея всегда Господа, к Нему да прибегает он во время брани.

Преподобный Ефрем Сирин

Помимо жизнеописания известной подвижницы благочестия иг. Марии (Тучковой), создавшей Бородинскую обитель ради молитвенного поминовения защитников Отечества, павших в войне 1812 года,— читатель сможет познакомиться с письмами свт. Филарета Московского к иг. Марии, открывающими взаимоотношения двух праведников, двух глубоко духовных людей. Письма публикуются впервые.

Жизнеописание игумении Спасо-Бородинского монастыря Марии (Тучковой)

Не даром помнит вся Россия
Про день Бородина.

М.Ю. Лермонтов

Рядом с великими воспоминаниями и образами, нераздельными с именем Бородина, возникает в памяти каждого и светлый образ основательницы Бородинского монастыря. Становится отменно радно при мысли, что на обширном поле, где шестьдесят два года тому назад в страшной битве погибли десятки тысяч православных воинов-мучеников, трудами этой подвижницы была воздвигнута обитель, посвященная их памяти, и каждый день возносятся теплые о них молитвы.

О игуменье Марии (в миру — Маргарите Михайловне Тучковой) можно составить понятие уже на основании того глубокого уважения и почитания, которое она внушала всем знавшим ее.

Протекло двадцать два года со дня ее кончины, а воспоминание о ней еще свежи в Бородинском монастыре и его окрестностях, где ее почитают как святую. «Много лет, прожил я на белом свете, — рассказывал мне старичок деревни Семеновской, — а такой болезной души я еще не видывал. Когда она скончалась, что в обители, что в окружных селах, стон стоял, потому она нам всем была мать родная». «И я помню матушку Марию», — говорят не без гордости молодые крестьянки. А занеможет мужичок или пошлет ему судьба какое горе, он отслужит панихиду над могилой игуменьи. В монастыре ее имя вызывает слезы и бесконечные рассказы. Твердо верят бородинские сестры, что она живет между ними невидимо, что она причастна их повседневной жизни, и поверяют ей свои скорби или радости. Ее келью и могилу украшают они березками в Троицын день, а в Светлый праздник ходят христосоваться с матушкой и кладут яйца на ее надгробную плиту.

Между монахинями ее обители были женщины более или менее образованные, были и совсем простые, и все говорят о ней с одинаковой любовью. Во всем, что к ней относится, они видят чудесное проявление Божьего промысла. Многие из них после ее кончины принуждены были покинуть Спасо-Бородинский монастырь, который называли своим раем, и, по их убеждению, они волей Божией рассыпались теперь по разным углам России, «чтоб имя матушки было везде прославлено». О матушке ни одна не может говорить без слез, и,

глядя на них, и, слушая, с какой любовью они говорят о ней, думаешь невольно, что женщина, внушившая к себе такую единодушную привязанность, несомненно, была высоко-духовным человеком.

Для составления этого краткого очерка жизни игуменьи Марии я руководствовалась преимущественно преданиями семейства Тучковых, рассказами бородинских монахинь и даже рукописными воспоминаниями одной из них, которая доверила мне письма покойной игуменьи. Эти письма составляют ее единственное сокровище, она бережет их как святыню, и я пользуюсь случаем выразить ей мою искреннюю благодарность за оказанное мне доверие.

I

О детстве и первой молодости Маргариты Михайловны до меня дошли, к сожалению, лишь самые скудные подробности. Она родилась в начале 1781 года. Отец ее, Михаил Петрович Нарышкин, и мать ее, Варвара Алексеевна (рожденная княжна Волконская), были очень известны и очень любимы в обществе. Девочка обнаружила с ранних лет природу живую и легко восприимчивую. Судя по отрывочным отзывам, сообщенным мне, ее можно было назвать, по французскому выражению, *Настоящим беглым огоньком*. Она горячо стремилась ко всему высокому и прекрасному. В особенности, любила она музыку, изучила ее основательно и была одарена замечательным голосом. Увлекало ее также и чтение: она могла

просиживать целые часы над книгой. Зато, когда ее внимание не было поглощено чем-нибудь особенным, ей было трудно, почти невозможно, оставаться долго на одном месте. Ни время, ни горе не умалили живости ее характера, и престарелая, изможденная трудами и горем игуменья еще порой удивляла всех своими порывистыми движениями и оживленной речью. Она была высокого роста и очень стройна, но черты лица ее были неправильны, красота его состояла в поразительной белизне и живом выражении зеленоватых глаз и всего лица.

У Маргариты Михайловны было три брата и четыре младшие сестры, но она была, как кажется, любимицей своих родителей. Варвара Алексеевна желала «пристроить ее при себе» и начала вывозить в свет с шестнадцатилетнего возраста.

В это время стал являться мимолетною птицей в московских гостиных молодой Л—ский, известный своей блестящей служебной карьерой и изяществом светских приемов.

Он был единственным сыном матери-вдовы, которая очень подружилась с Нарышкиными, и родители решили между собой, что поставят под венец своих детей. Л—ский согласился охотно, благодаря светскому положению и приданому молодой девушки. Что касается до нее, она была еще совершенным ребенком: ее понятия о замужестве были до такой степени не ясны, что ее несколько не пугала мысль выйти за человека, которого она едва знала. К тому же он отлично говорил по-французски, был умен и красив, и на этих осно-

ваниях ей показалось, что ее жених обладает всеми возможными нравственными совершенствами.

Но Л—ский был заклемен самыми позорными пороками. Умел ли он обмануть на этот счет слепую привязанность (видимо, своей) матери, или мать участвовала сознательно в обмане — это неизвестно, но свадьбу сыграли.

Когда молодая девушка, вынесшая из семейной среды детское неведение и незапятнанную чистоту понятий, пришла в столкновение с самым грубым развратом, страх и отчаяние овладели ею. Положение ее было тем тягостнее, что она скрывала его от родителей, которые слишком жестоко упрекнули бы себя в ее несчастье. Она была одна, без помощи, без друга, без поддержки. Л—ский приглашал ее не стесняться и выбрать предмет развлечения в кружке его приятелей. Бог знает, не погибла ли бы безвозвратно девочка, брошенная с шестнадцати лет в эту среду, если бы по промыслу Божию она не встретила молодого офицера Александра Алексеевича Тучкова, полюбила его и нашла в своей любви твердую опору.

Однако тайна ее супружеских отношений должна была со временем обнаружиться. Варвара Алексеевна начинала догадываться в истине, переговорила с дочерью и, не колеблясь ни минуты, потребовала развода. Репутация Л—ского была уже настолько подмочена в Петербурге, что дело не встретило преград, и Маргарита Михайловна получила позволение возвратиться, под именем девицы Нарышкиной, в родительский дом.

И вот она опять под отцовским кровом, в семейном кругу, но многое изменилось в ней: она узнала горе, и она любила. Тучков разделял ее чувство, и не замедлил посвататься, лишь только узнал, что она свободна. Но Нарышкины были так напуганы неудачей своего первого выбора, что на его предложение отвечали решительным отказом. В это время родительская власть была непреклонным законом, и Маргарита Михайловна повиновалась, но горько ей было, и много пролила она слез. А Тучков напрасно старался подавить свое чувство то усиленными занятиями, то путешествием за границу.

Прошли годы, а любовь его не остыла. Наконец он попытался счастья и обратился к Нарышкиным с новой просьбой. На этот раз их тронули моления дочери. Они дали свое согласие, и Маргарита Михайловна вступила во второй брак.

II

Ей было тогда двадцать пять лет, и она зажила полной, счастливой жизнью. Александр Алексеевич был благочестивым и добрым человеком, знающие люди говорили о его беспримерной храбрости, рыцарской доблести. Он был очень красив. Когда была объявлена война со Швецией, и Александр Алексеевич собрался в поход, жена решила ехать с ним. Напрасно он сам и ее семейство пытались напугать молодую женщину лишениями и опасностями, которые ей предстояло перенести. «Расстаться с мужем мне еще страшнее», — отвечала она, и поехала с ним.

*Генерал-майор
Александр Алексеевич Тучков*

К сожалению, до нас дошли лишь самые неудовлетворительные подробности об этом Шведском походе.

Несмотря на привычки роскоши, привитые с раннего детства, она легко переносила жестокие лишения, проводила ночи в смрадных избах или в походных палатках, где не было возможности отогреться. Ей приходилось не раз переодеваться

денщиком, скрывать под фуражку свою белокурую косу и провожать мужа верхом на лошади. Тучков был очень любим своими подчиненными; скоро все полюбили и его жену. Ее живость, веселость и, в особенности, ее вечно деятельная доброта привлекали к ней всех. Солдаты старались доставить ей возможные удобства и, в свою очередь, обращались к ней за помощью всякого рода. Помогать нищете и горю было потребностью ее природы. В Швеции многие страдали от голода, и лишь только наши войска располагались на более или менее продолжительную стоянку, Маргарита Михайловна обходила ближайšie села, отыскивала самых бедных поселян и оделяла их деньгами и хлебом. За больными и ранеными, как нашими, так и шведами, она ходила с заботливостью сестры милосердия.

Но сколько она выстрадала, когда ей приходилось отпускать мужа на битву и оставаться одной в селении, близком от места сражения! Об этих часах томительного ожидания и страха она не могла потом вспоминать хладнокровно. То она молилась, то прислушивалась с ужасом к пушечным выстрелам. Но все забывалось, когда прекращалась пальба, и барабанный бой возвещал о возвращении наших войск: она выбегала на дорогу и узнавала издали всадника, скачущего впереди полка.

III

Тучков возвратился невредимым в Россию и продолжал военную службу. Он стоял со своими

полками в Минской губернии. Настал двенадцатый год. Александр Алексеевич получил приказание выступить к Смоленску. Маргарита Михайловна была уже матерью; она сама кормила сына, и лишь недавно отняла его от груди. На этот раз нечего было и думать о том, чтобы следовать за мужем в походе, и было решено, что молодая женщина с сыном поедет в Москву, к своим родителям. Она должна была проводить полк до Смоленска и продолжить свой путь. Начались приготовления к отъезду. Тучков боялся, чтоб утварь полковой церкви не попала в руки неприятеля, и просил Маргариту Михайловну увезти ее с собой. Между другими церковными принадлежностями находилась местная икона Спаса Нерукотворного, которую Александр Алексеевич вручил собственноручно жене.

Наконец приготовления были окончены, и полк выступил из Минской губернии, но не в добрый час. Маргарита Михайловна была в расстроенных чувствах. Она ехала в дорожной карете с сыном и его няней, мадам Бувье. Маргарита Михайловна познакомилась с ней в магазине, где заказывала свои наряды; имела случай убедиться в ее честности, и предложила ей определиться в няни к ее сыну. Но тем не ограничилась должностью доброй француженки, и мадам Бувье приняла еще в доме роль модистки, экономки и, наконец, друга.

Путешествие длилось; дороги были плохие, и полки шли медленно. Приближаясь к Смоленску, остановились в какой-то деревушке, чтобы пере-

ночевать. Тучковым была отведена тесная, грязная, удушливая изба, но все рады были возможности немного отдохнуть. Поужинали наскоро и улеглись полуодетые на сене, разостланном по полу. Маргарита Михайловна, утомленная долгой дорогой, скоро заснула, и ей приснился сон.

Она видела висящею пред нею рамку и прочла резко начерченную кровавыми буквами надпись на французском языке: «Твоя участь решится в Бородине». Крупные капли крови отделялись от букв и струились по бумаге.

Бедная женщина вскрикнула и вскочила с постели. Ее муж и мадам Бувье, разбуженные криком, бросились к ней. Она была бледна и дрожала, как осенний лист.

— Где Бородино? — спросила она мужа, едва переводя дух. — Тебя убьют в Бородине!

— Бородино? — повторил Александр Алексеевич, — я в первый раз слышу это имя.

И, действительно, маленькое Бородинское село было тогда неизвестно.

Маргарита Михайловна рассказала свой сон. Тучков и мадам Бувье старались ее успокоить. Бородино — небывалое место и, наконец, в сновидении не было сказано, что Александр Алексеевич будет убит, и объяснение Маргариты Михайловны совершенно произвольно.

— Вся беда в том, что твои нервы расстроены, — заметил в довершение ее муж, — ложись опять, ради Бога, и постарайся заснуть.

Его хладнокровие успокоило ее немного. Утомление преодолело остаток страха, и она легла

и заснула. Но ей приснился опять тот же сон: опять та же роковая надпись, обнесенная рамкой, и те же капли крови, которые отделялись медленно одна за другой от букв и струились по бумаге. На этот раз она увидела еще: стоящих около рамки священника, брата своего Кирилла Михайловича и, наконец, своего отца, держащего на руках ее маленького Колю.

Она проснулась в таком взволнованном состоянии, что Александр Алексеевич испугался не на шутку. На его слова она отвечала одними рыданиями и вопросом: «Где Бородино?» Наконец, он предложил ей взглянуть на военную карту и убедиться, что имени Бородина на ней нет.

Он послал немедленно разбудить одного из офицеров штаба и попросить у него карту. Офицер, испуганный неожиданным требованием, принес ее сам. Тучков развернул ее не без тайного, может быть, страха и раскинул на столе. Все стали искать роковое имя и не отыскиали его.

— Если Бородино действительно существует, — заметил Александр Алексеевич, обращаясь к жене, — то, судя по его звучному имени, оно находится, вероятно, в Италии. Вряд ли военные действия будут туда перенесены: ты можешь успокоиться.

Но она не успокоилась: зловещий сон продолжал преследовать ее, и совершенное отчаяние овладело ею, когда настала минута расставания с мужем. Тучков, обняв и благословив в последний раз ее и сына, стоял на большой дороге и смотрел

рел на удаляющуюся карету, пока она не скрылась с его глаз.

IV

Маргарита Михайловна доехала благополучно до Москвы. Нарышкины уже собирались в свое Костромское имение, откуда посылали за почтой в уездный городок Кинешму. Молодая женщина пожелала тут, в Кинешме, и остаться, чтоб иметь возможность получать без замедления известия от мужа, и наняла маленькую квартиру, где поселилась с сыном и мадам Бувье.

Тучков писал часто к жене. Она ждала почтовых дней в лихорадочном нетерпении, и ее одолевала постоянная тоска. Наступило 1-е сентября, день ее именин. Она отслушала обедню и, вернувшись из церкви, села к столу, задумалась, оперлась руками на стол и опустила голову на руки. Вдруг ее окликнул голос отца. Она подумала, что Михаил Петрович приехал из деревни, чтобы провести с ней этот день, и подняла тотчас голову. Перед ней стоял священник, а рядом с ним ее отец, с маленьким Колей на руках. Все страшные подробности ее сна промелькнули мгновенно в ее памяти, одного лишь брата не доставало к дополнению картины.

— А Кирилл? — крикнула она иступленным голосом.

Кирилл показался на пороге.

— Убит! — молвила Маргарита Михайловна и лишилась чувств.

Когда она пришла в себя, брат и отец стояли около нее.

— Было дано сражение под Бородиным, — сказал ей сквозь слезы Кирилл Михайлович.

Он был адъютантом Барклая-де Толли, спешил в армию и заехал к своим для того только, чтобы сообщить ей горькое известие о смерти мужа. В продолжение нескольких лет Маргарита Михайловна не могла его видеть, чтобы не вспомнить об их встрече в Кинешме, и с ней делалась дурнота при его появлении.

V

Тяжкий удар разразился над семейством Тучковых. Александр Алексеевич был младшим из пяти братьев. Их мать Елена Яковлевна (рожденная Казаринова) благословила на войну четырех сыновей. Один из них участвовал в турецком походе и не успел еще возвратиться, а старший, Алексей Алексеевич, был предводителем в Звенигороде. После Бородинской битвы он узнал, что брат его Александр убит, что обоз с ранеными потянулся к Ярославлю, что в числе раненых брат его Николай, и выехал к нему навстречу. Когда добрались до Ярославля, Тучковы нашли самое радушное гостеприимство в стенах монастыря. Там были поданы раненому все пособия, но не оказалось возможности его спасти. Алексей Алексеевич, похоронив его, поехал немедленно к матери: ему предстояла тяжелая обязанность объявить ей об общем их несчастье.

Старушка жила в своем Тверском имении с двумя дочерьми, невесткой и внучатами. Как скоро Наполеон стал приближаться к московским пределам, Алексей Алексеевич отправил к ней свое семейство, состоявшее из жены, четырех дочерей и двух сыновей. Когда же он приехал в Тверь после Бородинского погрома, Елена Яковлевна не получала уже давно известий из армии и была в сильном беспокойстве. Не повидавшись еще с ней, он прошел прямо к сестрам, и с ними общим советом решили, что надо объявить ей разом обо всех несчастиях, поразивших семейство, а не истощать постепенно ее силы продолжительной пыткой.

Необходимо было, однако, приготовить ее к тяжкому испытанию, и дочери сказали ей, что ходят плохие известия, что было дано сражение под Москвой, что надо ожидать брата Алексея, которому все должно быть известно, и не старались скрывать от нее своих раскрасневшихся от слез глаз. Она слушала молча и не торопила горького объяснения. Наконец одна из дочерей ей сказала:

— Матушка, брат приехал.

Он вошел, и Елена Яковлевна, не дав ему времени с ней поздороваться, остановила на нем пристальный взгляд и сказала:

— Говори правду: что Николай? — Николай был самым любимым из ее сыновей.

— Он ранен... — отвечал Алексей Алексеевич, — очень тяжело ранен...

Она сильно побледнела и повторила:

— Говори правду: он жив?

Ответа не было.

— А Павел? — спросила она, помолчав немного.

— Он попал в плен под Смоленском... он ранен.

— А Александр?

— Убит, — промолвил едва внятно Алексей Алексеевич.

Наступило гробовое молчание, потом слышались сдержанные рыдания. Не плакала одна только старушка. Вдруг она поднялась медленно со своего кресла, но была не в силах сойти с места и опустилась на колени там, где стояла. Присутствующие слышали глухо произнесенные слова:

— Да будет Твоя святая воля!

Потом она провела руками около себя, как будто отыскивая чего-то ошупью, и, наконец, сказала:

— Подымите меня, я не вижу.

Все бросились ее подымать; она встала и молвила твердым голосом:

— Слепла, и слава Богу, не на кого больше смотреть.

Паралич поразил глазные нервы. Несколько лет спустя императрица Мария Федоровна, посетив Москву, прислала своего окулиста Елене Яковлевне. Но старушка не позволила ему даже осмотреть ее глаза.

— Передайте, пожалуйста, мою искреннюю благодарность ее величеству, — сказала она, — но я не горюю о потере зрения, смотреть мне уже, и верно, не на кого.

VI

Не скоро пришла в себя Маргарита Михайловна после известия, сообщенного ей братом. Лишь только возвратились ее силы, она поехала на Бородинское поле отыскивать тело мужа. Уже наступила вторая половина октября, когда ее дорожная карета остановилась у скромной усадьбы знакомой ее, доброй женщины, жившей около Можайска. Путешественница, не давши себе времени отдохнуть от тяжелой дороги, послала в Лужецкий монастырь просить священников прийти немедленно на место битвы, чтоб отслужить панихиду по убиенным, а между тем поехала сама на поле, где, по выражению Ф. Н. Глинки, «лежали трупы, валялись трупы, страшными холмами громоздились трупы». Все дополняло ужас картины: ночь уже наступила, небо было сумрачно, дул по временам холодный ветер и воздух был заражен тысячами тлевших тел. По распоряжениям начальства приступили к их сожжению, и на берегах Огника пылали костры, над которыми подымался в сыром воздухе густой дым. Здесь Маргарита Михайловна опустилась на колени и слушала панихиду по «убиенном боярине Александре и всем воинам на сем месте погибшим». Когда клир умолк, повторив за дьяконом «вечная память», Тучкова встала и спросила, кто поможет ей отыскать тело мужа. На этот подвиг вызвался старый схимник.

Место, где пал Александр Алексеевич было приблизительно известно. Один из бородинских

воинов, граф Коновницын, друг Нарышкиных, прислал Маргарите Михайловне план поля битвы, где батарея, на которой сражался Тучков была означена около ручья Огника и деревни Семеновской. Кроме того, узнали от солдата Ревельского полка¹, что у генерала оторвало обе руки, и он упал. Солдаты подняли его, чтоб унести с места сражения, но лишь только они прошли несколько шагов со своею ношей, у него оторвало ноги и, наконец, ядро, попавшее в грудь, прекратило его страдания².

Отшельник, держа в одной руке факел, а в другой фиал со святой водой и кропильницей, шел вперед по указаниям вдовы. Они останавливались, на каждом шагу прокладывая себе медленно путь между разбросанных тел и отсеченных членов. Старик творил вполголоса молитву и окроплял святой водой убиенных, а она нагибалась к каждому обесчлененному трупу и старалась узнать сквозь признаки тления дорогие для нее черты. Лихорадочная надежда поддерживала ее силы, и во всю ночь продолжалось ее странствование по Бородинскому полю. Наконец она убедилась, что ее усилия напрасны и возвратилась в отчаянии на квартиру, где оставила сына и верную свою мадам Бувье. Но, переступив через порог комнаты, она упала без чувств, и когда пришла в себя, с ней сделался сильный нервный припадок.

¹Ревельским полком командовал Тучков.

²Ф. Н. Глинка рассказывает несколько иначе, но я руковожусь семейными преданиями, которые мне сообщила Марья Алексеевна Тучкова.

VII

Оправившись немного, она поехала в свое тульское имение. Тупое отчаяние овладело ею, и мадам Бувье опасалась не только за ее здоровье, но даже за рассудок. Уже наступили сильные морозы, а Маргарита Михайловна находилась в таком возбужденном состоянии, что жаловалась постоянно на нестерпимый жар и не выносила ничего, кроме кисейного платья. Пораженные нервы и бессонные ночи доводили ее иногда до бреда. Она старалась себя убедить, что муж ее не умер, но попал в плен, точно так же, как старший его брат.

Раз в холодный зимний вечер она вдруг сказала мадам Бувье:

— Кто ручается, что *этот* солдат говорит правду? Если бы *он* был убит, я нашла бы *его* тело: я осматривала все трупы. Павел в плену: верно и он в плену.

— Не обманывайте себя, — отвечала со слезами добрая француженка, — если б он попал в плен, это было бы известно.

— А я вам говорю, что он в плену... Может быть, ему удалось уйти из плена... Он, вероятно, придет сюда, может он не далеко, его надо поискать... один... ночью...

Мадам Бувье посмотрела на нее с грустью и не отозвалась, а Маргарита Михайловна вышла поспешно из комнаты. Через несколько минут француженке пришло в голову, что, может быть, и в самом деле Тучкова пойдет отыскивать мужа и бросилась в спальню. Спальня была пуста.

Мадам Бувье обошла весь дом и не нашла никого, кроме прислуги.

Бедная женщина не помнила себя от страха: отойти от ребенка, которого она уложила уже спать, было невозможно, но она позвала людей и разослала их во все стороны отыскивать свою госпожу. Они запаслись фонарями и долго бродили, пока им удалось, наконец, встретить ее в лесу. Она быстро шла по тропинке, хрустевшей под ее ногами, и оставляла на обнаженных кустах клочки своего кисейного платья. Ее лишь с трудом уговорили возвратиться домой.

Она оставалась в этом тревожном состоянии, пока не убедилась окончательно в своем несчастье. Время смягчило постепенно ее горе, но сердце ее было разбито. Трогательны ее свидания со свекровью, которой она привозила своего маленького Колю и говорила ей, что он становится с каждым днем все более похож на отца. Тогда слепая старушка брала на колени ребенка, целовала его и плакала. Часто поддерживала она силы неутешной вдовы и останавливала порывы ее отчаяния смиренным словом, в котором таится столько геройского мужества: «Да будет Его святая воля!»

VIII

Маргарите Михайловне запала в душу мысль посвятить молитве место, на котором погиб ее муж. Земля трех владельцев соединялась клином там, где стояли его полки, и Тучкова думала купить у каждого его участок для постройки церкви, но они пожертвовали свою землю в пользу

благого дела. Император Александр I прислал десять тысяч на основание храма, и Маргарита Михайловна, продав свои бриллианты, чтобы пополнить сумму, приступила немедленно к постройкам. Она любила следить сама за работами и поставила около начатой церкви небольшой домик или сторожку, — как ее называют до сих пор, — где помещалась с сыном и мадам Бувье, когда приезжала в Бородино из Москвы или из своего Тульского имения.

Маленькая четырехугольная церковь поражает простотой своей архитектуры и убранства. На стенах, отделанных под белый мрамор, нет ни украшений, ни даже икон. Живопись бронзового иконостаса принадлежит кисти киевских иконописцев. После удаления неприятеля от наших границ Ревельский полк, почти совершенно истребленный под Бородиным, был снова сформирован, и его начальник явился к Маргарите Михайловне, чтобы принять от нее церковную утварь, вверенную ей Александром Алексеевичем. Но вдова не решилась расстаться с иконой Спаса Нерукотворного, пред которою сотворила последнюю молитву вместе с мужем, и просила у нового командира позволения оставить ее у себя, обязуясь доставить ему верную с нее копию. Он согласился тем охотнее, что иконостас полковой церкви был возобновлен и образ не подходил под его размер.

Этот образ сделался предметом особенного поклонения и веры Маргариты Михайловны. Пред скорбным ликом Спасителя она любила изливать свое горе и учила осиротевшего сына

молиться пред ним за убиенного отца. Спасо-Бородинский храм был отстроен и освящен в 1820 году, и она внесла в него сама драгоценную для нее икону, которую поставила над прачею клиросом.

За алтарем церкви возвышается регулярная насыпь; на ней растет береза, к которой прибита доска с надписью: «На сей батарее убит Александр Алексеевич Тучков 1812 года 26-го августа». Внутри церкви, налево от входа, стоит белый мраморный крест: на его темном подножии, также из мрамора, выбиты слова: «Помяни Господи во царствии Твоем Александра на брани убиенного». В середине креста золотое сияние, и пред ним горит постоянно лампада.

IX

Свою жизнь Маргарита Михайловна посвятила памяти мужа и воспитанию ребенка. Она схоронила отца и мать, и с каждой новой утратой росла ее привязанность к сыну. Вечная ее грусть имела на него сильное влияние, и он был не по летам тих и задумчив. Первые его воспоминания относились к Бородинскому полю, где мать, гуляя с ним, рассказывала ему о пророческом своем сне, о страшной битве, о смерти его отца, о темной октябрьской ночи, когда она отыскивала его труп. Мальчик живо помнил, что раз, когда ему было лет шесть, она сказала ему:

— Эта батарея — могила твоего отца, посади на ней дерево в его память: неси за мной этот маленький тополь.

Она взяла лопату и пошла на батарею, где стала рыть землю, заставляя ребенка помогать ей по мере его сил, и слезы ее капали на корни дерева, которое его ручки поддерживали с усилием над вырытой ямой.

Вся обстановка, среди которой рос Коля, усиливала врожденную склонность к грусти, наследованную им от отца. Он не знал шумных и резвых игр, все его любили за сердечную его мягкость и доброту, но скромный и тихий мальчик умел уже внушать к себе уважение. В семейных преданиях сохранился анекдот, который дает понятие о нем. Он был записан в Пажеский корпус и лишь по слабости здоровья жил при матери. Но ему следовало выдержать довольно трудные экзамены, и, чтобы подготовиться к ним окончательно, он должен был провести несколько месяцев в корпусе. Тогда Маргарита Михайловна переехала на время в Петербург, где она сама и мадам Бувье могли часто навещать свое сокровище. Появление француженки вызвало смех пажей.

— К Тучкову ездит его няня! — закричали несколько голосов, и насмешки посыпались на него со всех сторон.

Слово няня оскорбительно для четырнадцатилетнего мальчика, однако, честное чувство взяло верх над детской обидчивостью. Коля покраснел, но сказал твердым голосом:

— Да, она моя няня, но любит меня как сына, и я прошу, чтобы никто над ней не шутил.

Смех и шутки действительно замолкли. Прошло дня два, и дети играли на дворе, когда уви-

дели приближающуюся коляску, в которой сидела мадам Бувье. Коля побежал навстречу няни, помог ей выйти из экипажа, расцеловался с ней, и, взяв ее под руку, провел мимо своих товарищей. С тех пор молодежь оказывала особенное уважение и ему и мадам Бувье.

Радовалась и не могла нарадоваться на него Маргарита Михайловна. Коля был целью ее жизни, единственной ее отрадой и постоянной заботой. Она писала для него свои записки, где высказывается вся ее материнская нежность. Но, к сожалению, от них сохранился лишь небольшой черновой отрывок, который мы здесь приводим:

«6 апреля 1817 года. Тебе сегодня минуло шесть лет, сын мой. С этой минуты я буду выписывать все, что ты говоришь, все, что делаешь. Я хочу передать главные черты твоего детства: ты начинаешь уже рассуждать, чувствовать, и все, что ты говоришь, приводит уже меня в восторг: ты много обещаешь. Да поможет мне небесное милосердие воспитать в твоем сердце все добродетели твоего отца. Твой отец! При этом имени все существо мое потрясается. Ты не знаешь, милое дитя мое, что мы потеряли в нем, и сколько страдает твоя мать с тех пор, как лишилась этого друга своего сердца. Ты ознакомишься из наших писем, — которые я сохранила как драгоценность, — с историей нашей жизни, ты увидишь, сколько чувство, соединяющее нас, усилилось с тех пор, как мы вступили в брак; казалось, что каждый год скреплял наши узы, которые становились нам все

дороже. Твое рождение было последним пределом нашего счастья, омраченного, однако, частыми разлуками, — необходимое последствие деятельности, которую твой отец был принужден избрать. Как описать тебе нашу радость в минуту твоего рождения? Я забыла при твоём первом крике все страдания, все утомления, которые испытала, пока носила тебя. Чтоб не расставаться с твоим отцом, который должен был сопровождать свой полк, я подвергалась трудности тяжких переходов, и родила тебя, дорогой. Все было забыто при твоём рождении, чтобы думать лишь о счастье иметь тебя, чтобы тебя любить и чтобы любить друг друга еще более. Твой отец хотел, чтобы я выполнила священную обязанность матери, в настоящем смысле этого слова: он тем угадывал желание моего сердца, потому что я решилась не уступать другой радости, быть твоей кормилицей, — и я кормила тебя.

Опишу ли тебе всю заботливость, которой твой отец окружил твоё детство? Когда он возвращался, утомленный своими военными обязанностями, он бежал к твоей колыбели, чтобы покачать тебя, или вынимал из нее и клал к моей груди. С каким восторгом он любовался нами обоими, и сколько раз я видела в его глазах слезы счастья! Но не долго оно продолжалось. Тебе было лишь год и четыре месяца, когда ты потерял отца. Но отец Небесный не оставил тебя, потому что бедная твоя мать была так поражена своим несчастьем, что утратила возможность заботиться о своей собственной жизни и о твоей.

Когда в 1812 году французы вторглись в наш край, твой отец был убит. Это случилось 26-го Августа, а 1-го Сентября, в день моих именин, мой брат приехал из армии, чтобы известить нас о нашей утрате... Я не помню, что случилось со мной при этом известии: пускай другие тебе об этом расскажут... Молю моего Спасителя простить мне мой бред; он доходил до того, что когда мать говорила мне о блаженствах рая и о возмездии, обещанном тому, кто умеет нести крест, посланный Богом, я отвечала, что самый рай мне не нужен без моего Александра и что не существует возмездия для души, уничтоженной несчастьем. В один вечер ты спал, — четыре месяца после известия, — и, во время сна, ясно произнес слова: «Боже мой, отдай папа Кокоше!» С этой минуты я увидела в тебе моего ангела-хранителя: мне показалось, что ты разделял мое горе, как скоро оно занимало тебя даже и во сне. Я подумала, что Бог тебя видит, слышит тебя, что неотразимы молитвы такого ангела, как ты, и ослабевший мой ум омрачился до такой степени, что я стала сомневаться в моем несчастьи. В продолжение целого года я надеялась, и когда, желая спасти меня от грустных последствий мечты, старались меня возвратить к сознанию печальной истины, ничто не ставило меня в более жестокое положение. Я переехала в это имение, которое твой отец купил в надежде, что после похода он будет наслаждаться здесь семейным счастьем и займется твоим воспитанием. Там я никого не видала и отрывалась лишь с трудом от моего уединения, чтоб навестить моих родителей, ко-

торые приходили в отчаяние от моего состояния. Бедные мои сестры! Они такие добрые, такие набожные, и сколько раз я отталкивала их, когда они обращались ко мне со словами утешения и мира: они мне говорили о блаженстве в будущем, а я жила в настоящем. Я очнулась от этого состояния лишь, когда ты занемог. Не забывая своего горя, я думала о предстоящей опасности, и обратилась к Тому, который не оставляет никогда существо, молящее его. Сердце мое почуяло Бога, и я научилась покорности, но рана моя не заживала никогда, она свежа...»

Ее часто тревожила слабость его здоровья, однако доктора уверяли, что он окрепнет с годами, что его изнуряет рост. И действительно, мальчик, высокий и гибкий, как пальма, начал поправляться, когда ему минуло пятнадцать лет. Но он простудился и занемог. Медик, лечивший его, пользовался тогда большою репутацией в Москве, однако Маргарита Михайловна потребовала консилиум, на который был приглашен Мудров. Осмотрев Колю, он подтвердил, что опасности нет, и прибавил, что ручается головой за выздоровление. Обрадованная мать, проводив его, возвратилась с успокоенным сердцем в комнату больного, а через несколько часов ее выносили без чувств из этой же комнаты, где сын умер на ее руках.

Прошло несколько дней, и Спасо-Бородинская церковь опередила глухим ударом своего колокола появление траурной колесницы, которая медленно приближалась, сопровождаемая Маргаритой Ми-

хайловой. Вид храма, воздвигнутого над прахом мужа, смягчил на минуту жгучее горе матери. Когда гроб был поставлен против царских дверей, она подняла глаза к местной иконе Спасителя, который изображен во весь рост поддерживающим Свой крест, и произнесла сквозь слезы слова пророка: «Вот я и дети, которых дал мне Господь» (Исаии, гл. VIII, ст. 18). На правой стороне от входа в этой церкви лежит, параллельно с мраморным крестом, обнесенная позолоченной решеткой плита, на которой вырезано имя Николая Тучкова. Перед ней стоит аналой, а на нем, в золотом окладе, икона «Всех скорбящих Радость». Этой иконой Александр Алексеевич, собираясь в поход, из которого не вернулся, благословил сына. Вечная лампада теплится перед ней.

Х

Не мирилось наболевшее сердце Маргариты Михайловны с ударом, разбившим окончательно ее жизнь. Точно так же, как больной, который переходит с одного места на другое, в надежде облегчить свои страдания, она переезжала из Бородина в Москву и из Москвы в Бородино. То она утомляла себя долгой молитвой, то не находила возможности принудить себя к молитве. Она пробовала искать успокоения в вере других и обращалась за утешительным словом к людям, отрекшимся от мира. Раз она приехала к митрополиту Филарету в ту минуту, когда с ним прощалась пожилая женщина и трое молодых людей. Как скоро они вышли из комнаты, митрополит сказал:

— Тоже Бородинская вдова и ее сироты.

— Три сына! — воскликнула она. — А у меня все отнято! За что?

Он взглянул на нее строго и отвечал:

— Вероятно, она более вас заслужила свою покорностью милость Божию.

Маргарита Михайловна не отозвалась, и рыдала, прислонясь к стене. Молчание продолжалось несколько минут. Наконец она вышла из комнаты, спустилась с лестницы и села в карету. Возвратившись домой, она приказала отказывать всем и заперлась в свою спальню.

Через час черный цуг митрополита остановился пред крыльцом ее дома. Лакей отворил дверь и доложил, что Маргарита Михайловна не принимает.

— Но меня она, вероятно, примет, — отвечал Филарет, — скажи ей, что я желаю ее видеть.

Когда он вошел, она встретила его в гостиной.

— Я оскорбил вас жестким словом, Маргарита Михайловна, — сказал он, подходя к ней, — и приехал просить у вас прощения.

Эти слова глубоко ее тронули и положили начало искренней дружбе между ней и митрополитом. С тех пор он имел на нее большое влияние. Его ли советами руководясь, повинувшись ли новой потребности своего горя, она переселилась окончательно на Бородинское поле.

XI

Около церкви и сторожки скоро образовалась маленькая усадьба с необходимыми надворными

строениями. Их давно уж нет, но сторожка уцелела, и мы введем в нее читателя¹.

Несколько ступеней и замыкающая их небольшая площадка окружены стеклянными стенами, которые образуют род галерейки. Кругом стоят растения. Тут Маргарита Михайловна сиживала в жаркие летние вечера около маленького столика. В углу стоит шкаф с образами, осененными иерусалимской пальмой, и пред ними теплится лампада. Рядом с образницей — аналой; на нем лежат крест, Евангелие и выточенная из слоновой кости голова Иоанна Крестителя. С другой стороны образницы после кончины игуменьи поставили небольшой стеклянный шкаф, где хранятся ее ряска, мантия, камилавка, четки и посох.

За этой комнатой — другая, с одним только окном, у которого любила заниматься Маргарита Михайловна пред небольшим столиком из красного дерева. На одной стене большое Распятие, у другой поставец, где стоит детский умывальник, и, наконец, кровать за дверью: это спальня.

Службу в Спасо-Бородинской церкви отправляли лишь по праздникам и поминальным дням, а одинокой женщине хотелось слушать ежедневно обедню над прахом мужа и сына, и она внесла в Опекунский Совет довольно значительный капитал. Его проценты были предоставлены братии Лужецкого монастыря, с тем, чтоб иеромонахи обители отправляли поочередно службу в Спасо-Бородинском храме. Вдове воина хотелось также

¹ После кончины Маргариты Михайловны митрополит Филарет приказал, чтобы сторожка оставалась без изменений.

устроить для инвалидов богадельню на шесть кроватей. Но этот план не осуществился, и один только несчастный нашел приют около ее церкви. Его звали Горленко. Семейство его состояло из двух сыновей, которые пали под Бородиным. Семидесятилетний старик желал посвятить молитве остаток одинокой жизни и ходил в Иерусалим, где принял схиму. На возвратном пути он посетил Бородинское поле и поклонился со слезами умиления серебряной главе церкви, выстроенной для вечного поминания «воинов на сем месте убиенных». Маргарита Михайловна пригласила его поселиться на этом пустынном уголке и молиться вместе с ней за дорогих им покойников. Он согласился с радостью, прожил три года в Бородине и умер на ее руках.

Колокольный звон будил ее каждый день с восходом солнца. Она вставала, одевалась без помощи горничной и спешила в церковь, где пела на клиросе, а Горленко читал кафизмы и канон. Время проходило однообразно, и она писала к одной из своих приятельниц:

«Не могу сообщить никаких подробностей о себе: день походит на день. Утренняя, обедня, потом чай, немного чтения, обед, вечерня, незначущее рукоделье, а после краткой молитвы долгая ночь. Вот вся жизнь! Скучно жить, страшно умереть, — вот предмет для размышлений. Милосердие Господне, его любовь, — вот мое упование, тем и кончу».

Она никогда не ложилась спать до полуночи. В этот час умер ее сын, и она помнила, до после-

днего дня своей жизни, как в роковую ночь, когда руки ребенка хладели в ее руках, пронзительный звон часов отозвался в ее сердце, словно двенадцать ударов ножа. В летние дни она сидела иногда под тополем, посаженным Колей в память своего отца. От корня пошли два другие ствола, и Маргарита Михайловна видела в этих деревьях эмблему: себя, мужа и сына, и любила их, как воспоминание обо всем, что ей было дорого¹.

Вечера она проводила вдвоем с мадам Бувье, которая хлопотала целый день по хозяйству и готовила иногда сама очень вкусный обед. Они вспоминали о прошлом, о милом своем Коле... Осенью дождь стучал по тесовой кровле, и свист ветра смешивался с завыванием волков, которые ходили стадами по полю, и можно было видеть из окон их глаза, сверкавшие, как угли в темноте. Но пустышницы продолжали, не смущаясь, свою грустную беседу. Маргарита Михайловна вышивала воздухи или церковную пелену, а мадам Бувье трудилась над вязанием. Свою работу она продавала и на вырученные деньги покупала масла для лампы, висящей пред надгробною плитой Николая Тучкова. Добрая женщина, душой преданная католи-

---

¹ К сожалению, они уже не существуют. Маргарита Михайловна говорила часто своим монахиням: «когда меня не будет, берегите эти тополя в память меня и моих», и добрые женщины после ее кончины смотрели на них, как на живое воспоминание своей матушки. Но игуменья, заменившая ее, приказала срубить деревья, чтобы расширить около них дорогу. Когда застучали топоры, монахини обливаясь слезами, стали рвать с заветных тополей листья, которые берегут до сих пор в своих молитвенниках. Одна из них говорила мне: «Когда вырыли корни и потащили их вон из ограды, бежали за ними, словно за гробом, словно по покойнику убивались».

ческой церкви, не уступала никому права содержать лампаду в православном храме, где молилась за ребенка, которого так горячо любила.

Маленькую Бородинскую колонию одушевляло общее чувство любви к отжившим. Женщина, исправлявшая должность горничной, прислуживала некогда в детской и помогала мадам Бувье присматривать за ребенком. Она была лютеранка, родом из Дерпта, но приняла православную веру и впоследствии постриглась под именем Девворы. Она искажала по-своему, а мадам Бувье по-своему, русский язык, но они понимали друг друга, потому что их соединяли дорогие воспоминания. А церковным сторожем был дядька Коли, и ему жилось грустно, но мирно, у могильных памятников Александру Алексеевичу и «молодому барину». Старик любил содержать в порядке церковь, где покоился их прах, но Деввора выговорила себе право надзора над могилой Коли, и каждое утро запасалась метелкой и ручником, обметала до последней пылинки плиту и решетку, оправляла лампаду перед аналоем и клала свой усердный поклон у гробницы.

XII

В окрестностях Бородинского поля распространилась скоро молва о «доброй барыне, что живет в Боге и любит нищую братию», и не было дня, чтобы под окно пустынного домика не проходили больные и нуждающиеся. Маргарита Михайловна оделяла одних лекарством, других деньгами или хлебом и всех добрым словом.

Раз, на возвратном пути из Москвы, куда ездила иногда для свидания с семейством, она услышала умоляющий голос и велела остановить лошадей. На дороге стояла телега, которой правил крестьянин, а в телеге лежала худая, бледная женщина. Тучкова расспросила о ней мужичка.

— Горькая ей выпала доля, родимая, — отвечал он. — У нее две девочки, глупенькие как есть, и говорят плохо, да муж недобрый: с утра до ночи пьян и бьет их всех без жалости. Иной раз так девчонок напугает, что они в лес убегут, да там и пропадают целые сутки. Как еще Господь их от беды спасает! А она, горемычная, побиралась, пока сил хватало, а теперь руки и ноги отнялись.

Маргарита Михайловна велела ему ехать за ее каретой. Добравшись до Бородина, где оставила больную у себя, она навела справки и убедилась в истинности слышанного рассказа. Тогда она выписала исправника, объявила ему, что желает приютить несчастную женщину и ее детей, приписанных к казенному селу, и просила доставить ей девочек. Исправник привез их на другой же день. Одна из них, дряхлая уже старуха, живет до сих пор в обители.

Призрение бедного семейства положило начало Спасо-Бородинской общине: за расслабленною требовался уход, и к ней была приставлена молодая крестьянка из соседнего села. Но умножившимся жителям Бородинского поля стало тесно в маленькой усадьбе, и Маргарита Михайловна воспользовалась летним временем, чтобы выс-

троить еще дом, разделенный на две части. В одной из них были комнаты, назначенные для посетителей, туда же переселилась и мадам Бувье, а уголок, который она занимала в сторожке, превратился в столовую. Другая половина нового дома была назначена для богадельни. Число ее жильцов быстро умножилось. Кроме того, многие, желавшие удалиться от мира, просили у Тучковой позволения поставить домики на ее земле. Отказа не было никому, и около Спасо-Бородинского храма селились одинаково бедные и богатые, женщины, принадлежавшие к образованному классу общества, и неграмотные крестьянки. Но расширение колонии потребовало новых условий для жизни. Закипела везде работа: появились огороды, был вырыт колодезь, пробежали по лугу тропинки. Все лето стучал топор и скрипела пила, осенью новые строения обсаживались сиренью и кленами, а на Егорьев день пастух стал выгонять в поле небольшое стадо, и ожила пустыня.

Одинокaя вдова была призвана к новой жизни: спокойная жизнь погибла для нее безвозвратно, но горячий по природе характер требовал деятельности. По своей развитости и своему положению Тучкова стала главой общества, образовавшегося около нее: все обращались к ней за советами и все ее любили. Она воспользовалась своим влиянием и привлекла каждого к посильному труду. Между тем как одни работали на огородах или хлопотали по хозяйству, которое сделалось общим, другие учили грамоте детей. А Маргарита Михайловна являлась поочередно на

постройках, в учебной комнате, на земляных работах. Ее черное платье мелькало везде, и везде раздавался ее звучный голос. Она всех ободряла, назначала каждому его дело, и дело спорилось всюду. Молодым девушкам она давала уроки пения и выписала из Москвы музыканта. Он помог ей сформировать духовный хор, который стал в последствии знаменит.

XIII

Маргарита Михайловна подумала первая о том, чтобы почтить соборными молитвами годовщину великой битвы и упрочить воспоминание о ней в памяти потомства. С этой целью она стала приглашать духовенство окрестных сел собираться 26 августа в Спасо-Бородинский храм. Там служили за всех воинов, погибших в этот скорбный для России день, панихиду, вошедшую, наконец, в обычай, и мало-помалу образовался крестный ход, который был впоследствии утвержден.

В селе Бородине стоит старинная двухъярусная церковь, которая сильно пострадала в день битвы. Престол нижнего яруса, посвященный когда-то Рождеству Спасителя, был вскоре после удаления неприятеля возобновлен во имя Сергия Радонежского. Выбор этого посвящения легко объясняется: когда Наполеон перешел через русскую границу, митрополит Платон прислал в наше войско икону с изображением Сергия, который благословил Дмитрия Донского на битву с татарами. Во все время войны эта икона находилась постоянно при Кутузовской армии.

Духовенство соседних сел собирается 26-го августа в Бородино, где служит раннюю обедню. По ее окончании идут крестным ходом в монастырь, и с 1839 года¹ останавливаются у памятника, чтобы пропеть литию. Лишь только духовенство выходит из села, начинается колокольный звон в обители, где другой крестный ход с архимандритом во главе встречает шествие у Святых ворот. Потом начинается соборная обедня, за которой следует панихида.

В 1833 году считалось уже до сорока человек в Бородине, и Тучкова обратилась к императору Николаю с просьбой утвердить Спасо-Бородинскую общину. Ее желание было немедленно исполнено. Тогда она дала крестьянам своего тульского поместья права вольных хлебопашцев, с тем, чтоб они ей платили ежегодно две тысячи ассигнациями. Половину ярославского своего имения она продала за двадцать тысяч и проценты с этого капитала, точно также аренду с крестьян и генеральскую пенсию, которую получала после смерти мужа, она употребила на устройство своей общины.

Но в Бородине было более бедных, нежели богатых, и средства начинали скудеть. Маргарита Михайловна не позволяла себе удобств, которыми не пользовались все сестры, и, несмотря на роскошь, к которой была приучена с детства, садилась за общую трапезу, где приходилось часто пробавляться исключительно овощами с собствен-

¹Памятник был открыт в 1839 году.

ных огородов. Хлеб был покупной, а рыбу из-за ее дороговизны и отдаленности от известных мест ловли доставляли с трудом.

Но лишения переносились бодро. Нравственное влияние настоятельницы на сестер начинало уже сказываться, и посетителей поражал дух любви и мира, который господствовал в общине. Все связывало между собой ее членов: общее призвание, общие труды и молитвы, общая привязанность к матушке. К тому же матушка поддерживала бодрость духа в своих «птенцах», как она их называла, и если кого-нибудь из них смущал недостаток средств, она говорила:

— Господь не оставит, да и нам ли жаловаться? Трапеза не затейлива, а зато каков хор!

XIV

Однако стал распространяться далеко слух об отшельниках, и прибавлялось постоянно число посетителей Спасского общежития. Кого не манил его храм? Предания о Бородинском поле были еще так свежи, что вряд ли нашлось бы в России семейство, где они не пробуждали бы воспоминаний славы или горькой утраты. Многие предложили новорожденной общине свое посильное пособие. Их имена поминаются до сих пор за каждой обедней Спасо-Бородинской церкви, и благодаря их щедрости община могла содержаться безбедно.

Спустя три года после ее утверждения Маргарита Михайловна поехала в Троицкую Лавру, где застала митрополита Филарета. Она пожелала его

видеть, и пошла в его келью. Митрополит предложил ей принять малое пострижение, прибавляя, что синод и император согласятся, несомненно, обратиться Спасское общежитие в монастырь. Неожиданность предложения ее смутила: она не рассчитывала на свои духовные силы, но Филарет ее ободрил и вызвался постричь ее сам. Она возвратилась на свою квартиру в сильном волнении, но время было дорого; следовало приготовить все необходимое для пострижения. К счастью, собираясь в Лавру, она взяла с собой для подарка несколько кусков китайского черного крепа, и с помощью монахинь, пришедших за сбором к Троице, сшила апостольник, а митрополит дал ей на благословение свою рясу и келейную камилавку.

Совершился чин пострижения, и Маргарита Михайловна возвратилась в Бородино как инокиня Мелания, а в начале 1838 года община была переименована в Спасо-Бородинский общежительный монастырь, возведенный в степень второклассного. Основательница просила также покойного императора утвердить в вечный монастырский доход ее пенсию, которую называла иногда *ценою крови*. Государь согласился и сверх того пожертвовал 25.000 р. ассигнациями на каменную ограду и на церковь с трапезой.

Быстро преобразовался монастырь: около него возвысилась кирпичная стена с четырьмя башнями. В одной из них была поставлена церковь, посвященная имени Филарета Милостивого, а трехъярусная колокольня заменила столбики, которые поддерживали колокол. В конце июля 1839

года митрополит приехал на освещение нового храма и обошел с крестным ходом весь монастырь.

XV

Маленькая Филаретовская церковь устроена на углу восточной и северной стены, к которому примыкают две небольшие галереи или залы. Они составляют часть самой церкви, так как иконостас ничем не огорожен. Одна из этих зал была превращена в трапезу, другую называют «слушательною», потому что старшие сестры и больные слушали отсюда церковную службу, а в трапезной, куда обращены царские двери, молились младшие монахини.

У одной стены, «слушательной», стоит и теперь плащаница, над которой возвышается Распятие, около другой стояли шкапы с монастырской библиотекой. Эта комната примыкает стеклянной дверью к зимним настоятельским кельям. Маргарита Михайловна, теперь - мать Мелания, не могла уже по слабости здоровья ходить морозной ночью в церковь и переселялась, обыкновенно, после Воздвиженья в Филаретовский корпус. Там, за исключением поминальных дней, правили службу зимой. А в мае, лишь только показывалось теплое солнце, настоятельница переходила опять в свою любимую сторожку, и сестры собирались в Спасский храм для ежедневных молитв.

Обитель была не богата, но мать Мелания умела вести хозяйство, и, благодаря водворенному ей порядку, сестры нуждались редко. Бедные получали от нее холст, обувь, одежду, дро-

ва, свечи, мыло, чай и сахар. Были устроены хутор и скотный двор на земле, пожертвованной монастырю. Многие из монахинь обучались разным мастерствам: пряли, ткали, красили холст и сукно, шили рясы, теплые одежды, обувь, переплетали книги, занимались малярной работой и даже иконописью. Каждая служила другим своим посильным трудом, но принимать друг от друга денежную плату было строго запрещено. Сестры жили между собой как члены одной семьи. Настоятельница образовала, в полном смысле слова, христианскую общину. Число инокинь умножилось до двухсот, и нет сомнения, что не все между ними были достойны духовного звания, но общий дух обители напоминал времена первых христиан. Бородинские монахини, переселившиеся теперь в другие монастыри, долго не могли сродниться с новым образом жизни, как мне случалось слышать от некоторых из них. Между прочим, одна мне говорила: «Там мы жили душа в душу, не даром называли друг друга сестрами: у кого горе, так и всем горе, у кого радость, так и всем радость. А здесь всякая сама по себе; послужит ли чем друг дружке, так сперва в цене уговариваются, а нам это дико». Настоятельница поняла в широком смысле и свое и их призвание, и несла долю искушений, скорбей и лишений тех, которые называли ее матерью.

«Мне ли дерзать словом апостола изъяснять мои чувства, — пишет она к одной из сестер, которая была в отъезде и которая поверяла ей все-

гда свои душевные тревоги, — но воистину, кто из вас изнемогает, и я изнемогаю с той».

Свято исполняла она материнские обязанности, внося в свое новое призвание всю присущую ей душевную горячность. Она была главой монастыря и требовала строгого соблюдения монастырских правил, но во всем знала меру и не запрещала монахиням невинных удовольствий и бесед. Многие обвиняли ее в излишнем снисхождении к сестрам, и она отвечала, обычно:

— Насколько любим начальник обители, настолько он и полезен. Излишняя строгость не исправляет никого, но ожесточает и учит лукавству и лжи. Грех находит прощение у Бога, но злоба и ненависть отдаляют от Него человека, и горе тому, кто внушил их другому.

Когда ей доводилось делать строгий выговор кому-нибудь из своих духовных дочерей, она объяснялась с провинившейся в своей кельи, с глазу на глаз, при запертых дверях.

— А мы к ней шли, словно на исповедь, — говорят сестры, — и в голову не приходило что-нибудь от нее утаить.

Во время ее игуменства несколько монахинь, чересчур неуживчивых, оставили монастырь, но возвратились в него почти все. Не с гневом и не с жестокими словами отпускала их настоятельница, а со слезами и благословением. Она их снабжала советами, а если требовалось, и деньгами, и старалась не терять их из виду, где бы они ни находились. Одна из них, встретившись в Москве с бородинской послушницей, уведомила о том насто-

ятельница, и настоятельница пишет ей в ответ: «Ничего я так не желала и не желаю, как видеть ее счастливою. Обними ее за меня». А какая была радость, когда они возвращались под крылышко матери настоятельницы!

— А! Вернулась-таки, беглянка, — говорила она, весело обнимая ее, — вернулась на пригретое местечко!

Она уводила ее к себе, угощала, расспрашивала, как жилось ей на чужбине, и требовала, чтобы сестры приняли ласково «беглянку», и чтобы никто не оскорбил ее неуместным намеком. Иные уходили из монастыря и возвращались до двух и даже до трех раз и находили всегда в его стенах тот же радушный прием.

Трогательное поверье образовалось между монахинями по поводу этих приливов и отливов:

— Если которая-нибудь из нас уходила, — говорят они, — мы знали наперед, что не надолго, что нигде не придется ей свить себе гнездышка, а все будет ее тянуть в родимое Бородино, потому что молитвы матушки о каждой из ее духовных дочерей крепко нас связывали с обителью.

Для слабостей и прегрешений других мать Мелания искала извинений, которых не находила для своих собственных, и была строга лишь только к себе. Приведем здесь остроумное замечание митрополита Филарета по поводу ее скромного отношения к себе. Раз, бывши уже игуменьей, она приехала к митрополиту. Он осведомился о монастыре и спросил, довольна ли она сестрами.

— Слава Богу, Владыка, — отвечала она, — такие они у меня славные, такие добрые! Жаловаться мне не на кого, да в том беда, что я-то такая грешная!

Он взглянул на нее с улыбкой, потом обратился к образу, висевшему в углу его комнаты, и перекрестился.

— Благодарю Господа, — сказал он, — наконец-то в моей епархии нашлась грешная игуменья, а то с кем ни поговори — все святые.

Выше других христианских доблестей она ставила любовь и милосердие, не карала падшего, но протягивала ему руку помощи. Раз вошла в ее келью и встала молча у дверей женщина не первой уже молодости, но замечательной еще красоты. Настоятельница спросила у нее, чего она желает.

— Я пришла к вам, — отвечала незнакомка, — может, вы одни меня не отвергнете... Может быть, вы примете меня в вашу обитель.

— Очень охотно приму: сядьте, и мы переговорим.

— Но вы не знаете, — начала опять бедная женщина, не двигаясь с места, и голос ее задрожал, — вы не знаете, что я грешница... даже мое семейство отказалось от меня.

Она зарыдала. Мать Мелания бросилась к ней и обняла ее.

— Спаситель пришел призвать к покаянию грешников, а не праведников, — сказала она, — и помилует вас. Оставайтесь с нами.

Она посадила ее возле себя, ободрила ласковыми словами, выслушала ее грустную исповедь и

потребовала, чтобы тайна этой исповеди осталась между ними. Всеми отвергнутая женщина поселилась в монастыре и приняла пострижение, а впоследствии — схиму. Настоятельница сделалась ее другом, руководительницей, матерью, и кающаяся грешница воскресла к новой жизни, под благотворным влиянием любви и веры. Свою спасительницу она пережила несколькими годами и пред кончиной поверила другим печальную повесть прошлого.

В первые годы своей пустынной жизни мать Мелания носила вериги, но здоровье ее начало сильно страдать, и митрополит потребовал, чтоб она их сняла. Она повиновалась, однако оговорила за собой право возлагать их на себя в некоторых случаях. Если между сестрами возникал раздор или какая-нибудь из них приходила к ней с тяжким признанием, она говорила: «Молитесь, и я буду с вами молиться», — и надевала опять вериги, и казнила себя за чужие прегрешения. На эти прегрешения она смотрела как на свои собственные: между детьми и матерью все общее, а она была мать.

Все подчинялись ее нравственному влиянию и готовы были на все, лишь бы порадовать матушку. Отношения ее к сестрам ясно высказываются в письмах матери Мелании. Голоса начальницы в них решительно не слышать, но, как мать, она журит и ласкает. По выражению лиц она угадывала, если что-нибудь тревожило или огорчало кого-нибудь из монахинь, и когда не могла за недосугом объясниться с ней немедленно, писала ей из

своей кельи несколько дружеских слов. Приводим здесь одну из ее записок.

«Дунюшка, я тебя звала, приметя в тебе что-то необыкновенное, но ты, не знаю почему, осталась *при себе*...

Завтра непременно приди ко мне после утрени».

Была в обители послушница очень еще молоденькая, которая позволяла себе разные детские выходки. Матушка к ней пишет:

«Друг мой, не хорошо, вопреки монахини, которая тебя останавливала, класть поклоны, где не показано, ты как будто нарочно не переставала их метать и в пояс и в землю. Сие не есть дело скромной послушницы, а шалун кадетского корпуса мог бы сие допустить, но и того бы за уши выдрали. И еще не хорошо, что в трапезу не ходишь. Разве ради Христа и это трудно? Мне казалось, что ради Его и дурное покажется сладким, а хлеб трапезный не дурен».

Она просит больную монахиню, которая ездила в Москву, чтобы посоветоваться с доктором, не жалеть денег на лечение и беречь себя: «Довольно, — говорит она, — сердце болит, смотря на страждущую Смарагду, не прибавляй ему новой скорби». Она посылает ей денег, обещает прислать еще, как скоро сама получит, и вопрошает: «Не знаешь ли ты издавна, что *моя твоя суть?*», — а в другом письме добавляет: «Ты знаешь, что я *ваша*, что я вам всем принадлежу, что я тебя люблю. Ты все это постигаешь, следовательно, будь покойна». Она сообщает отсутствующей

больной монастырские известия и передает ей поклоны сестер. Везде материнский голос, везде та же заботливость, та же любовь.

XVI

По мере того, как умножалась община, застраивался монастырь. Густо разрослись в нем деревья, и перед каждою келейкой красовались кусты розанов, жасмина и сирени. Заглянем в обитель среди жаркого летнего дня. Отошла обедня; многие сестры работают, сидя на крылечках или балконах своих келий, и раздаются звонкие голоса клирошанок, которые поют в трапезной. Около палисадников бродит общая фаворитка, старая гнедая лошадь, и на зов: «Любимец! Любимец!» — идет то к одному, то к другому окну и принимает из рук монахинь хлеб, который приносят нарочно для нее из трапезы. Это верховая лошадка Коли: она также доживает свой век у его могилы.

Мадам Бувье хлопочет около огромной клетки, или птичника, в котором прыгает и поет обширное семейство канареек.

— Я иду тоже взглянуть на мое гнездо, — говорит ей по-французски мать Мелания, спускаясь с крылечка своего домика, — и у меня есть большие птенцы

И она идет по широкому монастырскому двору таким быстрым шагом, что келейная монахиня с трудом за ней поспевает. Погладив поседевшую морду Любимца, она останавливается около девочек, которые играют у тропинки.

— А что же, выучили *Отче наш*? — спрашивает она, и, выслушав от них молитву, разделяет между ними просфору и идет к больным.

На возвратном пути она вдруг останавливается: клирошанки продолжают спеваться, и фальшивая нота неприятно поражает ее чуткий слух.

— Фальшиво! Фальшиво! — кричит она и подбегает к окну трапезной. — Начните опять.

Раздается снова пение, на минуту прерванное, а матушка стоит под окном и слушает. Поют псалом по Турчаниновскому напеву, который она ввела в монастырь. Вдруг она вбегает в трапезу, сердито хватает и тербит за рукав клирошанку.

— Опять! — кричит она: — Точно мне ножом по ушам провела! А все от лени, от нерадения! Голос у тебя хорош и слух верен, да поработать над собой не хочешь, вот в чем дело. Начните опять!

И она поет с ними сама; голос ее еще мягок и звучен. Концерт оканчивается благополучно, и настоятельница обращается к провинившейся монашенке:

— Что нос-то повесила? — говорит она. — Приходи ко мне вечером хорошенького чаю напиться: он голос очищает.

У крыльца сторожки ждут просители. Настоятельница обителю объявляет одному, что Бог ей помог пристроить в богадельню его отца, другому, — что писала об его деле в Москву и ждет ответа. И, выслушав новые просьбы, спрашивает у мужичка, стоявшего позади других:

— А ты что, Михаил?

— Уж очень я доволен твоей милостью, — отвечал он, — ходил я в Москву и принес тебе гостинца: не побрезгай.

И он подает ей бумажный клетчатый платок.

— Какой славный! — говорит мать Мелания и, повязав его поверх своей шапочки, продолжает, обращаясь к монахиням, проходящим мимо:

— Посмотрите-ка, какой я подарок получила! Просияло лицо Михайлы.

— Вот еще я тебе принес, — начинает он опять, вынимая из-за пазухи связку бубликов, — кушай на здоровье.

— И за бублики тебе спасибо: я до них охотница, да не забудь поклониться от меня своей жене, а теперь милости прошу вас всех к нам на кухню пообедать.

С этими словами она входит в свои комнатки, и ее провожают благословения и молитвы об ее здравии.

XVII

Через двадцать семь лет после Наполеоновского нашествия русские войска собирались на Бородинское поле для открытия памятника, воздвигнутого в честь воинов, которым оно служит кладбищем. За неделю до 26-го августа приехал сюда же император Николай с несколькими членами царского семейства и свитой. Военная музыка, пальба и вид войска, выстроенного на поле, потрясли чуткий организм матушки Мелании. Живо напоминали они ей знаменитый Бородинский день, которого она не видала, но который, в про-

должение стольких лет, мерещился ей так часто во сне. В ней обнаружилось лихорадочное состояние, однако, она старалась превозмочь недуг и принимала государя и членов Императорского дома, которые осматривали монастырь и посетили ее. Они ей оказывали постоянное уважение и дружеское расположение¹. Государь пригласил ее присутствовать при соборной панихиде и благодарственном молебне в день открытие памятника. Она отказывалась, боясь, что испытание превысит ее силы, но император настаивал: ему хотелось видеть на предстоящем торжестве оставшихся деятелей Отечественной войны.

— Приезжайте, — говорил он, — мы помолимся вместе: нашу молитву услышит Бог.

Она уступила его просьбам и обещала приехать в назначенный час.

Между тем приготовления шли своим чередом. Легко понять, как действовал на воинов Двенадцатого года вид поля, на котором они отражали неприятеля четверть века тому назад. Они отыскивали со слезами на глазах те места, где заряжали свои пушки, где пали их братья. Но поле битвы до такой степени изменилось, что трудно было узнать его, и монахини указывали старым воинам остатки укреплений, на которых стояли орудия.

Воспоминания отдаленного прошлого оживляли сердца стариков: многие повторяли стихи из

¹ Она была в 1840 году восприемницей ныне царствующей Государыни Императрицы и вела с ней переписку до своей кончины. В 1848 году она была опять вызвана в Петербург для миропомазания Великой Книгини Александры Иосифовны.

«Певца во стане русских воинов». Сам певец, погруженный мыслями в былое, бродил по Бородинскому полю. Он описал нам церемонию открытия памятника. Послушаем его:

«Утро Бородинского праздника было так же ясно, как утро Бородинского боя. Тогда была чувствительна осенняя свежесть; теперь теплота наполняла воздух, и от долговременной засухи повсюду была ужасная пыль, которая при малейшем ветерке поднималась столпами. Войска (около ста пятидесяти тысяч) были рано по утру сведены на места им назначенные, они стояли колоннами по наклону покатостей, окружая с трех сторон то возвышение, на коем теперь стоит памятник Бородинский и у подошвы коего лежит Багратион, на коем тогда происходила самая жаркая битва, где дрались Раевский, Барклай, Паскевич, где ранен Ермолов, где погиб Кутайсов, на котором гремело более двухсот Наполеоновых пушек, где, наконец, все перемешались в рукопашной, убийственной свалке. Войска, видимые с вершины этого холма, представляли зрелище единственное; одним взглядом можно было окинуть стопятидесятитысячную армию, сжатую в густые колонны, которые амфитеатром, одна над другой, подымались. Пехота была неподвижна, по ружьям сверкало солнце, и штыки их казались блестящею, поднявшеюся щетиной огромного боевого чудовища. Где стояла конница, там дымилось; конские копыта подымали пыль; она колебалась над колоннами, как черная громовая туча. Позади армии расставлена была артиллерия. В середине этого чудного

амфитеатра возвышался памятник, у подошвы коего, внутри ограды, были собраны все отставные, некогда участвовавшие в славной битве и из разных мест собравшиеся на ее праздник. Между ними особенно замечательны были инвалиды, кто с подвязанною рукой, кто с повязкою на голове, кто без обеих ног.

Некоторые из них, в ожидании торжества, сидели на ступенях монумента; другие, положив на землю клюки, отдыхали у Багратионова гроба, и этот гроб, один на земле Бородинской, величественно тихий, в виду армии нового поколения, казался представителем поколения прежнего, которого воины положили здесь свои головы, которого прах вечно живая природа с такою любовью одела здесь своею свежою зеленью, своею благовонною жатвой. Другие бородинские воины, еще находящиеся на службе, сидели на конях и выстроены были фронтом вне ограды. Явился государь, проскакал мимо колонн; грянуло повсеместное *ура*, и вдруг все утихло: от Бородина с хоругвями и крестами потянулся ход; священники всех полков, священники столицы и позади всех преосвященный митрополит Московский, длинным строем, с торжественным пением, шли мимо армии к монументу, пред которым был воздвигнут алтарь. Когда священники стали по местам своим и митрополит приблизился к алтарю, тишина невыразимая воцарилась повсюду; ни движения, ни шороха; как будто живые слились в одно безмолвное братство с бесчисленными мертвыми, здесь под землю сокрытыми, как

будто бы мертвые вышли из праха и, став в строй с живыми, вселили в них свое неземное спокойствие; одним словом, этой минуты описать невозможно»¹.

Тут подъехала и остановилась недалеко от памятника карета. Из нее вышла бледная, переступая чрез силу настоятельница монастыря, в ее лице не было кровинки. Две монахини следовали за ней. Брат ее мужа, Павел Алексеевич Тучков, подал ей руку и провел ее на устроенное против монумента возвышение, обнесенное решеткой и назначенное для деятелей Отечественной войны. Государь подъехал к ограде и протянул руку бородинской вдове:

— Кланяюсь вашему превосходительству, — сказал он, — грустен для вас этот великий день. Разделяю вашу скорбь. Да поможет вам Господь.

И он прибавил, обращаясь к иностранным принцам своей свиты:

— Вот почтенная вдова храброго генерала Тучкова; она предупредила меня, воздвигнув здесь бессмертный памятник.

После водосвятия началась панихида, потом загремели пушки. Замирало сердце настоятельницы; она держала с трудом свечу, дрожавшую в ее руке. Все стихло снова, хор запел: «Тебе, Бога, хвалим», — и все опустились на колени. По окончании благодарственного молебна митрополит окропил памятник святой водой, и кре-

¹Отрывок из письма Жуковского к Великой княгине Марии Николаевне.

стный ход удалился. Государь во главе армии проехал мимо памятника и отдал ему первый чей.

Матушка Мелания поспешила возвратиться в монастырь: силы окончательно ей изменили. На другой день у нее открылась нервная горячка.

XVIII

Все засуетилось в монастыре: сестры с озабоченными лицами сообщали друг дружке известие о здоровье матушки. Она лежала без памяти. Император присылал к ней своего медика, который, осмотрев больную, долго говорил с Павлом Алексеевичем. Поскакали в город за лекарством. В продолжение нескольких дней она была в опасности, наконец, лихорадочное состояние ее покинуло, и матушка пришла в себя.

Она носила в сердце горе, о котором нам не довелось еще говорить. Один из ее братьев, горячо ею любимый, был замешан в заговоре, который разыгрался на Петербургской площади в 25-м году. Суд приговорил виновного к Сибири. Мать Мелания получила известие об его ссылке в то время, когда плакала над свежей могилой сына, и пред одною скорбью побледнела другая. Но между тем как время смягчало горе матери, оно оживляло горе сестры. По мере того, как она приходила в нормальное состояние, прежние привязанности, поглощенные первыми минутами ее отчаяния, вступали опять в свои права. Сердце ее сжималось болезненно при мысли о друге ее детства, она говорила с горечью, что прости-

лась с ним заживо, вела постоянную переписку со ссыльным и не распечатывала никогда без слез его писем.

Однако Бородинские маневры подходили к концу, и государь пожелал пред отъездом проститься с настоятельницей.

Между тем как монахини толпились около палисадников и келий, чтобы взглянуть на него еще раз, мадам Бувье встретила его на крылечке. Он ее приветствовал как старую знакомую и пожал ее руку.

— Ну, что у вас делается, мадам Бувье? — спросил он по-французски.

— Благодаря Бога теперь все хорошо, ваше величество, но остерегитесь: наши низкие двери не по вашему росту.

Он низко наклонил голову и вошел в сторожку.

Больная приняла его, полулежа в постели. Император, расспросив с участием о ее здоровье, сел около нее и поцеловал ее руку, которую удержал в своих.

— Я был бы счастлив, — сказал он, — если бы мог исполнить какое-нибудь из ваших желаний: не нуждается ли в чем монастырь? Прикажите, и все будет сделано.

Слезы блеснули в ее глазах, и слабый ее голос задрожал:

— Ваше величество, — молвила она, — что вы можете сделать для монастыря, то могут сделать для него и другие, но есть у меня просьба... Вы одни в мире можете ее исполнить... Простите брата.

Эти неожиданные слова его смутили; он выпустил из своих рук ее бледную руку и отвечал после минутного молчания.

— Позвольте мне подумать, Маргарита Михайловна.

XIX

Прошло несколько времени.

Звучно гудел монастырский колокол, и настоятельница во главе всей общины сестер вошла в храм. Лицо ее сияло выражением радости, от которого оно давно отвыкло, и та же радость, как в верном зеркале, отражалась на лицах сестер. Матушка получила известие о прощении своего брата, и все пришли семейно слушать благодарственный молебен.

Но не скоро еще довелось ей обнять ссыльного: разные обстоятельства замедлили его возвращение. Наконец пришло давно желанное письмо: Михаил Михайлович Нарышкин был уже на пути в Высокое, тульское имение своей жены¹. И матушка собралась в Высокое: закипели приготовления к отъезду, среди радостного говора монахинь. Матушка их торопит, помогает им укладываться и утирает от времени до времени слезы, набегающие на ее глаза. Но все готово: стоит пред крыльцом сторожки тяжелая карета, заложенная шестериком. Сестры приняли последнее благословение настоятельницы, которая уселась в экипаж с двумя келей-

---

¹ Он был женат на графине Елизавете Петровне Коновницкой.

ницами. Все перекрестились, примолвив: «С Богом!» — и лошади выехали из монастырских ворот.

Долги показались путешественнице триста верст, отделявшие ее от Тульского уезда. Но вот, наконец, и Высокое; въезжают в длинную аллею, ведущую к усадьбе. «Скорей, скорей!» — повторяет мать Мелания, высовывая то и дело голову в опущенное стекло, и кучер ударил по лошадям. Но вдруг чей-то голос крикнул: «Стой!». Шестерик остановился; быстро отпирается дверца кареты, и матушка Мелания, не дождавшись пока опустится подножка, бросается в объятия брата.

XX

С тех пор ее жизнь, разделенная между воспоминаниями прошлого и деятельностью игуменской, потекла ровно и однообразно. Мирно жилось матери Мелании среди обширной семьи сестер, и их любовь согревала ее сердце и привязывала ее все теснее к обители. Но замечательно, что под своей камиллавкой и монашеской мантией она сохранила до конца жизни тип одинаково симпатичный и в молодой женщине и в старухе. Когда она покидала на время монастырь, чтобы явиться ко двору или в аристократическую гостиную, где встречала давно знакомые лица, то пленяла всех, как и в прежние годы, своей блестящей речью и изяществом своих приемов. Она была когда-то слишком тесно связана с заботами и вопросами, волнующими общество, чтобы сделаться им чуждой, и пользовалась всегда с удовольствием ред-

кой возможностью удовлетворить те умственные способности, которые не находили пищи в стенах ее обители.

Одно из ее путешествий в Петербург памятно крестьянам деревни Семеновской.

«Дорога-то была просто бедовая, — рассказывал мне мужичок, — сугроб на сугробе, а уж у нас, как есть, проезда нет никакого. Матушкин шестерик как к нам выехал, тут и засел с возком. Мы все сбежались; а она, родимая, опустила стекло и говорит:

— Помогите, детушки, вытащите возок, а я бы в ваших санях на дорогу выехала.

— Сбыточное ли, — говорим, — дело, голубушка наша, кормилица наша, чтоб мы тебя допустили в наши сани пересесть? Уж ты дай нам только волю, мы все справим.

Побежали, кто за лопатой, кто за веревками, — ведь всякому тоже лестно было ей послужить, — и живо принялись мы за дело. Отложили лошадей, дорогу кое-где расчистили, вытащили возок, да сами в него впряглись и вывезли ее на себе, мою матушку, уж что она там ни говорила. А как заложили опять лошадей, и отъехала она, так долго мы тут стояли да крестились, и Бога молили, чтобы дал Он ей путь-дороженьку»

Не даром внушала матушка Мелания такую привязанность. В минуту вспыльчивости она могла сказать много лишнего, но старалась немедленно это загладить. И никогда не оскорбляла она хладнокровно кого бы то ни было. Несмотря на все свои усилия, она не могла преодолеть в себе

брезгливость, за которую ее бранили еще в молодости. Но эту слабость она старалась подавить в присутствии людей, которых могла оскорбить. Если являлись к ней больные за медицинским пособием, она принуждала себя смотреть на отвратительные раны или заставляла крестьянку развязывать при ней грязные пеленки, чтобы взглянуть на сыпь, от которой страдал ребенок. «Ведь вот какая я негодная, — укоряла себя мать Мелания, — они, бедные, обращаются ко мне от доброго сердца, и как любят меня, а я смею ими брезговать!»

«Иной раз, — рассказывают монахини, — мы видим, что матушке невтерпеж, а доказать не смеем, знаем, что она за это гневаться будет, скажет:

— За что ты бедного человека обидела?»

XXI

Около года спустя, после Бородинских маневров, она ездила в Москву, где должен был решиться вопрос о ее пострижении в мантию и о возведении в сан игуменьи. Из Москвы она писала к Бородинской общине:

«Во имя Отца и сына и Святого Духа! Аминь!

Все возлюбленные сестры и матери: Платонида, Маргарита, Исидора, Антонина, Тавифа, Екатерина, София, Пелагея, Елисавета, Серафима, Олимпиада, Мария, Паисия, Мефодия, Агния, Ангелина, Магдалина, Иулиания, Анаста-

сия, Евпраксия, Константина, Клавдия, Любовь, Максимиана, Маврикия, Маргарита, Филарета, Христофора и все прочие, которых имена все пред Богом, и поминаемы мною ежедневно, припадаю к вам, испрашивая ваших молитв. Приближается время моего пострижения, место избрано в Лавре для избежания многолюдства. Простите меня все, и от добрых сердец ваших воззовите ко Господу о спасении грешной моей души теплою молитвой. Простите ради Господа, если кого оскорбила, простите, как прощают умершему, и верьте слову моему, что всех вас ношу в сердце моем.

Мелания».

На возвратном пути она пишет опять из Москвы:

«Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй меня грешную.

Возлюбленные сестры!

Славу Богу о всем! Я вам теперь крепостная слуга. Пострадав несколько дней в разлуке с вами, коих люблю сердечно, вижу, наконец, приближающийся день соединения. Все совершилось. Владыка, отец мой, снял власы с главы моей. Пострижение было 28-го, во время всенощной, на день Святых Апостол¹. Собор был освещен, как следует в день праздничный. Митрополит сам служил. Три раза я была распостерта на земле крестообразно во все время тропаря «Объятие отча», повторяемого при каждом

¹ 28-го июня 1840 года.

крестообразном полулежании. Владыка был тронут до слез, которые останавливали его речи. В соборе у раки святого угодника, при множестве святых поклонников... Я не могу описать моего душевного состояния, особенно когда после окончания Владыка взял меня за руку и привел к святому преподобному Сергию, которому отеческим словом препоручил меня! После целования святых мощей я пала в ноги отцу владыке... и осталась на всю ночь в соборе в том одеянии, как постриглась, даже на босу ногу, как была. На другой день меня посвятили в игуменнии, и посвящали как во диакона (по древнему чину посвящения: «Повели... повелите.., аксиос, аксиос!..») — подавала блюдо для омовения, с полотенцем на плече... Обыкновенно: посох дали... и все тут. Паси овцы моя!.. О, Боже! мне ли пасти? Сестры монахини, сестры старшие! София, Екатерина, Пелагея, Олимпиада, Елисавета, я у ног ваших: обнимите меня. Сестры младшие, любите любящую вас всех! Простите, немного оправлюсь и приеду к сердцу вашему, к сердцу моему.

*Навсегда ваша сестра,
игуменния Мария, грешная».*

Это письмо, адресованное на имя монахини, которая в отсутствии настоятельницы правила монастырем, было прочтено вслух за трапезою, где сообщаются, обыкновенно, сестрам все важные известия. Оно вызвало общую радость, и все пожелали единодушно отслужить благодарственный молебен. Когда же второе письмо возвестило о дне

возвращения игуменнии, стали хлопотать о приеме, который ей готовили. Чтобы придать более торжества этому семейному празднику, пригласили можайского протоиерея «встретить матушку». В назначенный день монахини стерегли с утра приближение игуменской кареты. Молоденькие сестры рвали в палисадниках цветы и устилали ими путь от святых ворот до соборной церкви, где готовились отслужить молебен. Лишь только увидели издали приближающийся экипаж, монастырский колокол загудел, и духовенство в праздничном облачении вышло к воротам. Протоиерей держал крест, монастырский иеромонах икону, а дьякон кадильницу. За ними шли клирошанки, а за клирошанами остальные сестры. Мать Мелания, отныне — Мария, с посохом в руке и облеченная в длинную мантию, вышла из кареты у святых ворот. Отшельницы поклонились ей в ноги: все плакали. Заплакала и игуменния; она поклонилась им, в свою очередь, низким поклоном и хор запел: «Днесь благодать Святого духа нас собра».

XXII

Шли годы, но, несмотря на обязанности, которые мать Мария исполняла так добросовестно, так неутомимо, ее горе не вымирало, хотя время изменило его характер. Видно, не дано забвения глубоким натурам. Когда она, казалась, отрешившись от всего, погружалась в заботы об обители, достаточно было незначущего обстоятельства или пустого слова, чтоб оживить всю ее скорбь. Отпеванья она не могла слышать, чтоб ей не мерещил-

ся белый гроб, в котором лежал хорошенький пятнадцатилетний мальчик. Когда в монастыре были похороны, она приказывала монахиням сравнивать могилы и обозначать их место кирпичами, выложенными крестом: насыпи напоминали ей слишком живо курганы, которые возвышались когда-то на Бородинском поле над сожженными костями убиенных. Лишь в последние годы своей жизни она преодолела тяжелое впечатление и привыкла смотреть на могильные насыпи.

Гроб ее сына был заколочен в ящик и поставлен в склеп, устроенный под Спасскою церковью. В этот склеп матушка ходила каждое утро и проводила там около часа. Но случалось иногда, что урочный час проходил, и время длилось, пока, наконец, монахини, испуганные ее долгим отсутствием, спускались, в свою очередь, по узкой лестнице подземного хода и находили игуменью, лежавшую без чувств около гроба. Сестры опасались, что ее организм пострадает от этих постоянных потрясений, и обратились с жалобой к митрополиту. Он воспользовался назначением ее в игуменьи, чтобы склонить на жертву, которую требовал от нее.

— Вы отвечаете теперь пред Богом и вашей совестью, — говорил он ей, — за вверенную вам паству; вы посвятили себя всецело великим обязанностям, но личные ваши чувства слишком вас поглощают: принесите их в жертву долгу. Молитесь за усопших, но не лелейте своего горя, а наоборот, отдайте от себя все, что вас наводит на воспоминание о прошлом.

Он потребовал, чтобы она больше не ходила на могилу сына и истребила вещи, принадлежавшие ему и его отцу.

Не без борьбы согласилась мать Мария исполнить его желание; а согласилась, однако, хотя и не безусловно. На другой же день после своего возвращения из Лавры она спустилась в склеп для последнего прощания с гробом сына. Истребить вещи, которые напоминали ей так живо о былых скорбях и радостях жены и матери, матушка была не в силах, и она искала отраду в мысли, что они уцелели, хотя их уж не видит. Принесли в ее комнату сундук, куда она уложила платье мужа, чашку, из которой он пил чай, портфель с письмами, много раз перечитанными, и, наконец, кресла и игрушки Коли. Сундук был поставлен в глухой коридор, примыкающий к спальней. Мать Мария говорила, что оторвалось что-то от ее сердца, когда все эти сокровища были вынесены из ее комнаты, и долго не могла она смотреть хладнокровно на пустой угол, где привыкла видеть маленький детский стул, обитый красным сукном. Но расстаться с креслами мужа она не решилась. Точно также оставила она при себе два миниатюрные портрета, изображающие его и сына, а написанный масляными красками портрет Александра Алексеевича она пожертвовала в трапезу.

Кроме этого грустного эпизода ничто не ознаменовало ее игуменства, и ничто не переменилось в ее жизни, ни в отношениях ее к сестрам обители. Она не позаботилась даже о том, чтобы заказать себе игуменское место, и во время

службы сидела по-прежнему на маленькой скамеечке около печки. Не мало оскорблялись этим сестры.

«Уж очень нам обидно было, — рассказывала мне одна из них, — и стали мы к ней приставать:

— Помилуйте, — говорим, — матушка, чем же мы хуже других? Везде игуменье почет делают и везде у нее место в церкви, а у вас его нету. Кто войдет — и не узнает, что вы у нас игуменья, на простой скамеечке сидите, ничем от нас не отличаетесь.

Рассмеется она, бывало, и скажет:

— Не нужно мне никакого отличия, отступитесь от меня, глупые, — и прогонит нас.

А уж как она восприимчивей была нынешней царицы, да вернулась из Петербурга, так мы ей просто прохода не дали. Не было дня, чтобы мы к ней с этим не хаживали.

— Матушка, — говорим, — за что ж нам такой срам? Ведь не похоже, что вы восприимчица царицы, а точно вы под началом, что у вас место отнято.

Так мы ей надоели, что уж раз она рассердилась:

— Видно, говорит, вашей дури мне не переспорить; чтобы только от вас отвязаться, закажу кресло.

Как привезли его да поставили в церковь, мы в такой радости были! И матушка пришла:

— Ну что, говорит, довольны вы теперь?
— да вдруг заглянула в уголок, где всегда си-

живала и спрашивает: — А где ж моя скамеечка?

Мы говорим:

— В алтарь ее убрали, матушка, уж она теперь не нужна.

А матушка говорит:

— С чего вы это взяли? Потешила я вас, заказала кресло, вы на него и любуйтесь, а я буду по-прежнему в своем уголке сидеть: мне там молиться удобнее.

Так в уголке и сидела. Уж разве в праздник иногда у нас наезжие бывают, так она нас потешить захочет и станет на игуменское место».

XXIII

Мне пришлось слышать о матери Марии трогательный рассказ одного из французских negociантов, поселившихся в Москве. Мы назовем его господином Д***. У него была сестра лет восемнадцати. Умственные ее способности, вследствие несчастного случая, приключившегося с ней в детстве, сильно пострадали. Она была нрава кроткого, но ею завладевали порой самые странные фантазии; переспорить ее, пока она находилась под их влиянием, было невозможно, и семейство приходило в отчаяние. Переходя от прихоти к другой, молодая девушка объявила, что желает поселиться в монастырь. Она молилась и была набожна по своему, но различие вероисповеданий не существовало для нее, и господин Д***, на основании того, что слышал о бородинской игуменье, обратился к ней письменно. Он не скрыл от нее положение сво-

ей сестры, просил настоятельницу монастыря принять ее под свое покровительство и прибавил, что семейству было бы очень грустно, если бы Розина (так ее звали), благодаря постороннему влиянию, была отдалена от католической церкви. «Овладесть бедной девочкой не трудно, — писал он, — но мы надеемся на вас».

Через несколько дней игуменья приехала в Москву и явилась в магазин Д***. Она хотела убедиться, что Розина поедет с ней добровольно.

«Мать Мария понравилась нам с первого взгляда, — говорил мой рассказчик, — Было что-то особенно привлекательное в ее мягком голосе, в ее быстрых, необдуманных движениях. Обменявшись несколькими словами с сестрой, она обернулась ко мне и сказала:

— Дело сделано. В пять часов я заеду за ней. Будьте покойны, я не обману вашего доверия.

Я навещал несколько раз Розину, пока она жила в Бородине. Что бы ни сделала бедная девочка, обвинять ее было несправедливо, однако я знал, как трудно с ней ужиться, и не без тайного страха поехал к ней в первый раз. Но я скоро убедился, до какой степени всё, что страдало, имело право на участие и расположение матушки Марии. Розина жила у нее, как у матери: игуменья, не смотря на свою вспыльчивость, переносила с неутомимым терпением все ее капризы и старалась привязать ее к себе постоянной заботливостью.

Прошло два года. Отец мой скончался, и Розина пожелала возвратиться в семейство; я поехал за ней.

Никогда не забуду я этого последнего свидания с матушкой. Она приняла меня в своих кельях, угостила завтраком, и совершенно незаметно для меня прошли два часа в беседе с нею. Но ударили в колокол, и она встала.

— Вы можете, — сказала она, — оставаться здесь одни или идти в комнаты, приготовленные для вас, а мне пора к вечерне...

Давно уже нет ее на свете, — заключил господин Д***, — но кто ее знал, хотя немного, тот не забудет ее. Несколько лет тому назад я ездил в Бородино и поклонился ее могиле».

XXIV

Более тридцати лет жили вместе матушка Мария и мадам Бувье, которая была несколькими годами старше ее и для которой она продолжала оставаться Маргаритой Михайловной. Несмотря на различие их в воспитании, столько нитей связывали обеих женщин, что они давно сделались необходимым элементом в жизни одна другой. Однако частые ссоры возникали между ними. Мадам Бувье, приняв на себя все хозяйственные и финансовые распоряжения в доме, постоянно ворчала, когда мать Мария раздавала последнюю провизию или последние деньги, и, случалось, что игуменья, во избежание междоусобицы, уносила тайком ключи от шкапа, где хранилась разная крупа или чай и сахар и отсыпала, сколько ей было нужно для просящих. Мадам Бувье догадывалась смутно о преступном похищении съестной провизии, однако не останавливалась на предположе-

нии, до такой степени обидном для чести игуменьи, но неожиданный случай обнаружил истину.

Монахиня, к которой приехали родственники, обратилась к игуменье с просьбой дать ей немного сахара.

— Чай у меня есть, — говорила она, — а сахару ни куска.

Матушка велела ей подождать в спальне и вошла в столовую, где слышала голос мадам Бувье. Но обратиться к ней было не легко: она уже несколько дней была сильно смущена и безденежьем и недостаткам провианта, а в настоящую минуту казалась особенно не в духе.

— Ах! Прости *мине*, — говорила она стоявшей у дверей кухарке, которой заказывала обед, — *я не знаю ти большой барин!*

По уходе *большой барыни*, мать Мария осведомилась о том, что будет сегодня за обедом. Меню пришлось ей не по вкусу: она попросила его переменить, и только что мадам Бувье ушла на кухню, принялась искать ключ от сахарницы. Найдя его, она быстро вынула несколько кусков сахара и положила их на стол. Но вдруг послышались за дверьми шаги мадам Бувье и кухарки, которая возвращалась за провизией. Матушка поторопилась запереть сахарницу и, выдергивая ключ из замка, зацепила своим длинным рукавом сахар, который посыпался к ее ногам. В эту минуту мадам Бувье показалась на пороге.

— Ах! как *карошо!* — воскликнула она в припадке неподдельного негодования, — *Маргарит Микаловна воровать!*

Семь бед — один ответ: игуменья подобрала поспешно сахар, отнесла его монахине, потом с надеждою задобрить разгневанную мадам Бувье возвратилась в столовую и начала примирительную речь обычным вступлением:

— Ну что, мадам Бувье, возможно ли сердиться за подобные пустяки?

— О! вы в полном праве располагать вашим добром, но если мы будем идти этим путем, у нас скоро ничего не останется, кроме сумы, — сказала она по-французски.

На этот раз не без труда была заключена мировая.

Лишь безграничная ее привязанность к игуменье могла принудить старушку отказаться от латинской обедни и жить в обители русского монастыря. В римской церкви она видела единственный источник истины и света и наивно старалась убедить каждого, и даже митрополита Московского, — когда он навещал игуменью, — в непогрешимости папы. Митрополита очень забавляли ее красноречивые речи, и мать Мария переводила проповеднице его ответы, данные по-русски. Усердная католичка не смущалась неудачей своих попыток и после отъезда Филарета говорила обыкновенно:

— Я его не убедила, но мы еще потолкуем.

Несмотря на ее ворчливость, все любили мадам Бувье за ее честный и открытый нрав и привыкли видеть ее круглую, приземистую фигуру, снующую по тропинкам монастырского двора. Она была необходимой принадлежностью обите-

ли, возникшей на ее глазах, твердо знала все ее большие и малые события, и часто сестры слушали, утирая слезы, ее полурусские, с французским акцентом, рассказы о том, как семилетний Коля отыскивал кости своего отца около недостроенной еще церкви и играл пулями, собранными у подножия батареи.

Раз прибежала ранним утром к игуменье Марии испуганная монахиня, с известием, что мадам Бувье очень занемогла. Игуменья поспешила к ней, а между тем послала за доктором, который прописал лекарство, но не скрыл, что надежды на выздоровление очень слабы. Сама больная чувствовала приближение смерти и спросила, нельзя ли выписать из Москвы католического священника. За ним поскакали немедленно. После его отъезда она сказала слабым голосом:

— Теперь я покойна.

Мать Мария нагнулась к ней, и умирающая обвила ее шею своими бледными руками. Обе женщины плакали молча. Наконец старушка промолвила опять:

— Не забудьте, что мои тысячу рублей на масло для лампы... там, около его могилы.

На другой день матушка скорбела около тела верной своей подруги, наряженной в праздничное платье, между тем как рыли могилу около тополей, посаженных Колей¹.

¹С прискорбием нужно заметить, что мадам Бувье, при всех добрых качествах ее души, несмотря на тесное общение с иг. Марией, не присоединилась к единой истинной Православной Церкви. Остается пожалеть, что при своем бескорыстном служении ближним, эта женщина не могла разделить с любимой ею православной подвижницей вечные обители

XXV

Вид этой свежей могилы наполнял тоской сердце игуменьи. В доброй старушке, посвятившей ей свою жизнь, она любила не одно только преданное сердце, но и живое воспоминание о том, что ей было дорого, и новая утрата расшевелила в ее душе все бывшее горе. Приняться немедленно за привычные занятия она не могла, но каждодневные события отрывали ее насильственно от тяжелых дум. Однако с наступлением ночи самые грустные образы преследовали ее, и она потеряла совершенно сон. Монахини придумали приходить к ней на ночь и вести между собою беседу, которая развлекала бы ее немного. Игуменья Мария согласилась на их предложение, и лишь только она ложилась в постель по окончании своей вечерней молитвы, сестры, в числе трех или четырех, являлись со своими работами, садились на пол у полуотворенной двери спальни, болтали обо всем, что им приходило на ум, и игуменья засыпала, наконец, под звук их говора.

Все, от мала до велика, старались более чем когда-нибудь выразить ей свою привязанность, и мать Мария, несмотря на то, что погибло для нее безвозвратно в жизни, создавала, что она не одинока, что самая искренняя любовь окружает ее. Приведем здесь два случая, которые обнаружили вполне отношение монахинь к игуменье.

Раз, во время одного из ее путешествий в Москву, экипаж ее был опрокинут, и она сломала левую руку. Это происшествие могло дойти в пре-

увеличенном виде до обители, и мать Мария, приехавшая в Москву, приказала немедленно своей келейнице известить сестер о случившемся и успокоить их насколько возможно. Несмотря на свои страдания, она прибавила сама к письму несколько строк, где увещевала своих «птенцов» не слишком горевать, и говорила, между прочим: «надеюсь, что скоро возвращусь к вам с кривою рукой, но с прямым сердцем».

Как скоро разнеслось по монастырю известие, что матушка сломала руку, все работы были мгновенно оставлены, расстроенные монахини сбегались к казначее и объявили ей, что идут в Москву. Казначая старалась напрасно отговорить их от этого намерения. Они настаивали и на все ее увещания отвечали, что никто их не остановит, и что они уйдут сегодня же. Наконец она им сказала:

— Матушка, уезжая, приказала мне монастырь, а вы меня не слушаетесь, так делайте, как хотите. Но ей необходим теперь покой; а если ее слишком огорчит и расстроит ваше своеволие, берите это на свою совесть.

На что ни согласились бы монахини из страха расстроить и огорчить свою матушку! Они отказались от задуманного плана и обещали не выходить из должного повиновения. Священник был приглашен отслужить заздравный молебен, и каждая из сестер дала обет класть ежедневно, до возвращения игуменьи, по двенадцати земных поклонов.

В другой раз она поехала Рождественским постом в Москву навестить больного брата, у кото-

рого гостила более, нежели предполагала, и написала монахиням, что возвратится непременно к празднику.

— Уж мы давно о ней тосковали, — рассказывала одна из них, — и словно ожили, когда пришло ее письмо. С самого утра ждали мы ее в сочельник. Даже из церкви то та, то другая побегит на батарею, — ведь оттуда дорога видна: целый день ее стерегли. Иная старушка вдруг со слепу крикнет: «матушка едет!» Мы все бросимся посмотреть: глядь! чужой экипаж, либо воз с кладью. Тут уж вечер подошел, и к заутрене ударили, а мы идем в церковь, и все приуныли: праздник нам не в праздник.

Как запели: «Слава в вышних Богу!», — и я тоже на клиросе пела, — вдруг матушка в двери. Остановились мы, разинули рты и смотрим на нее, а она погрозила нам, чтобы мы как должно стояли, а сама пошла на свое местечко. Уж кое-как мы заутреню допели, и лишь кончили, бросились к матушке, словно с ума от радости сошли. Друг дружку толкаем: которую она не успела поцеловать, та кричит: «а меня-то, матушка!» Кто ручки ее ловит, а кто на пол припадает и ножки обнимает. А она, родная наша, смеется, а у самой слезы так и текут. «Вы меня, говорит, на части разорвете: успокойтесь, глупые, ведь уж я теперь от вас не уеду».

XXVI

Читатель не составил бы себе полного понятия о жизни Бородинских отшельниц, если бы мы

не сказали несколько слов о распрях возникавших иногда между игуменьей и сестрами. Эти распри были неизбежны при некоторой вспыльчивости матушки и разнообразии окружавших ее лиц, но они носили свой особенный, чисто семейный характер, не оставляя ни в ком задней мысли или затаенной злобы, и монахини говорят до сих пор о них с чувством, которое овладевает нами при воспоминании о погибших днях дорогого прошлого.

Не надо забывать, что между сестрами были женщины совершенно неразвитые, и в минуту раздражения они не отличались отборными выражениями. Вспыхнет, бывало, игуменья Мария от дерзкого слова, и возвысит в свою очередь голос. Но дерзкое слово повторится и, выведенная, наконец, из терпенья, она схватит за плечи виновную и толкнет ее вон из дверей. Потом она примется ходить взад и вперед по келье, закинувши руки за спину, что означало в ней сильное волнение. Но скоро гнев ее остывал, и она приказывала позвать провинившуюся сестру.

«Ты мне нагрубилa, — говорила она ей, — разве не грешно грубить матери? А не мать я вам, так лучше мне от вас уехать: я не хочу жить среди чужих»

Таких слов монахини не могли слышать без слез, а слезы мать Мария не могла видеть хладнокровно.

«И себе горя наделала, глупая, и меня в грех ввела, — начинала она опять, обнимая ее, — да

полно, не плачь... Разве мне легко, когда вы плачете?.. Полно же: ты виновата, да и я не права пред тобой».

И за семейною ссорой следовала семейная мировая.

Матушка дожидалась всегда с нетерпением весны. В одно апрельское утро она увидела с радостным чувством, что снег, растаявший почти совершенно от ночного дождя, сошел окончательно под лучами теплого солнца, и послала свою келейницу сказать монахиням, чтоб они расчистили немедленно монастырский двор. Через несколько минут она заглянула в окно: никого не было на дворе.

— Что ж они не идут, Серафима? — спросила она.

— Я им сказывала, матушка: говорят, что сейчас придут.

— Поди опять.

Прошло еще полчаса: игуменья начинала терять всякое терпенье. Келейница побежала опять собирать монахинь, и возвратилась с ответом, что они придут, когда уберутся, но теперь им недосуг.

— А! Им недосуг! — воскликнула матушка Мария. — Видно, я одна сижу руки сложа! Так я же сама вымету двор.

Она быстро вышла из своей келейки, схватила метлу и принялась за работу со всей неловкостью новичка. Между тем келейница бросилась к монахиням и объявила им, что «матушка двор метет». Сестры пришли в ужас и сбежались со всех сторон.

— Помилуйте, матушка, — говорили они, — что ж это вы сами?.. Мы виноваты, матушка, простите нас, ради Бога.

Она не отвечала, и метла двигалась быстро, но довольно бесплодно в ее руках.

— Матушка, — продолжали монахини плачевными голосами, — ведь это вы нас срамите... уж вы лучше чем-то другим извольте нас наказать за нашу глупость.

— Так-то вы меня любите, — заговорила вдруг она, — так-то вы меня бережете на старости лет?.. Подите, Бог с вами... вы мне не нужны.

И продолжала махать вправо и влево метлой, зацепляя ею то за куст, то за дерево, но через несколько минут рассмеялась и бросила ее на дорожку.

Случалось, хотя весьма редко, что она наказывала монахинь: иных ставила на поклоны, другим придумывала наказания, сообразные с виной и обстоятельствами. Раз одна из сестер ушла в лес, за орехами, не спросивши ее позволения, и отвечала дерзко, когда игуменья побранила ее.

— А! Ты выдумала еще грубить! — воскликнула игуменья: — Так знай же, что в продолжение всего лета ты в лес не пойдешь.

На этот раз она выдержала роль начальницы. Но когда сестры уходили толпой за орехами или ягодами, она говорила своей келейнице:

— Так мне жаль бедную Дорофею! Только простить ее не могу: она мне при всех нагрубила. Какой же пример другим? А ты возьми чаю и сахару и отнеси ей, будто от себя. Сохрани тебя Бог сказать, что я ей послала.

Но игуменья знала, что все эти женщины, не исключая и тех, которые забывались иногда пред нею, горячо ее любят и усердно молятся за нее, и тепло было у нее на сердце.

XXVII

Она уже давно, по слабости здоровья, должна была отказаться от общей трапезы, однако, по праздничным дням обедала с сестрами, к великой их радости. В трапезной зале, где она садилась хозяйкой дома и матерью семейства, можно видеть и теперь написанный масляными красками портрет покойной игуменьи. Наморщенные ее черты поражают необыкновенной худобой; развивающаяся *водяная*, которая свела ее в могилу, придала глазам стеклянный оттенок; цвет лица безжизненный. Одна рука держит посох, с другой ниспадають четки. На той же стене поясной портрет Александра Алексеевича, который напоминает своей красотой героев романов его времени. Шинель наброшена на мундирный сюртук, георгиевский крест блестит в петлице, золотистые волосы оттеняют открытый лоб, голова задумчиво склонилась на руку, и грустная дума светится в карих глазах.

У входа в трапезную крупными буквами, по приказанию матери Марии, написаны два стиха из Апостола. В их выборе резко высказывается ее характер:

«Послушанием истине чрез Духа, очистив души ваши к нелицемерному братолюбию, постоянно любите друг друга от чистого сердца» (Петра, гл.1, ст. 22).

«И если я раздам все имение мое и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы» (I Кор., гл. 13, ст. 3).

Зимние кельи игуменьи обители состояли из трех комнат, выходящих в коридор: столовая, маленькая спальня и небольшая гостиная или *Красная комната*, так называемая потому, что около стен стояли диваны, обтянутые красной шерстяной материей. Сюда собирались поочередно после вечерних правил около двадцати монахинь: большого числа посетителей красная комната вместить не могла. Старшим уступали диваны и кресла, а для младших был разостлан на полу ковер, и они оспаривали друг у дружки право сидеть «около матушкиных ног». Иногда одна из сестер читала вслух книгу духовного содержания, и чтение было часто прерываемо замечаниями или вопросами, на которые возражала игуменья. Но когда посетительницы были мало расположены к духовным прениям, завязывался разговор, иногда веселый, иногда более или менее серьезный. Мать Мария любила эти беседы, которые сближали сестер друг с другом и с ней, и где каждая говорила, не стесняясь, всё, что ей приходило на ум. Одна рассказывала сон, приснившийся ей, другая содержание письма, полученного из дома. Все работали, болтая; игуменья вязала шелковый шнурочек, предназначенный для образков, которыми оделяла бородинских посетителей. Она увлекалась иногда собственными воспоминаниями и рассказывала какое-нибудь событие из своей жизни. Тогда водворялась в комнате ненарушимая тишина, замед-

лялись в руках спицы и иглы, работницы опускали на колени шитье и вязанье и слушали с возрастающим вниманием.

Вдруг показывалось в дверях доброе, смугловатое лицо монахини, которой было поручено хозяйство после кончины мадам Бувье. Все звали ее в монастыре «Маша одесская». Она приносила моченые яблоки или пряники или, наконец, за неимением другого угощения, нарезанные ломти белого хлеба. И при этом незатейливом угощении скоро проходили долгие зимние вечера в маленькой келейке, скромно освещенной двумя стеариновыми свечами. Много сладких впечатлений оставили в памяти сестер эти семейные беседы.

XXVIII

Протекло четверть века с тех пор, как матушка поселилась на Бородинском поле. Время и жизнь не пощадили ее. Она сильно сгорбилась, посох стал необходимой для нее опорой, и медленная походка изобличала усталость и страдание. Лишь в минуты душевного волнения, в ослабевшем голосе звучали прежние струны, потухший взор загорался огнем, и порывистые движения обнаруживали горячие чувства, не вымиравшие в ее сердце. Ей минуло семьдесят два года, и в груди ее развивалась *водяная*.

Но матушка боролась до последней минуты против старости и недуга; она продолжала вести деятельную переписку, занималась неусыпно монастырскими делами и оказывала ту же заботливость своим духовным дочерям. Раз, — это было

в холодный зимний вечер, — ей доложили, что одна из монахинь очень занемогла и пришла в такой испуг, что попросила немедленно священника. Мать Мария сильно страдала сама, но объявила, однако, что пойдет к больной. Сестры упрашивали ее поберечь себя и не выходить из теплой кельи, прибавляя, что на дворе подымается метель.

— Или вы совсем с ума сошли! — отвечала игуменья: — Бедная Поликсена, может быть, в опасности, а я не утешу ее ласковым словом и не помолюсь с нею, потому что на дворе метель!

Она поднялась через силу с кресел, потребовала теплые одежды, и ее повели под руку через монастырский двор, освещая, по возможности, дорогу фонарем. Ее появление сильно обрадовало больную, которая привстала на постели и целовала ее руки. Мутушка благословила ее, ободрила своей кроткой речью, дождалась священника, который пришел с Дарами, читала молитвы во время приобщения Святых Таин, и ушла к себе, лишь когда убедилась, что Поликсена совершенно успокоилась.

К прежним ее заботам прибавилась новая: община сестер умножилась до двухсот человек, и церкви были слишком тесны, чтобы вместить столько молящихся во время службы. Необходимо было соорудить новый храм: он был заложен в 1851 году и посвящен Владимирской Божией Матери, как новый памятник Бородинской битве. Об этом храме игуменья давно уже мечтала. В продолжение зимы она занималась приготовлени-

ем материалов для постройки, сводила счета, прикидывала сметы, толковала с подрядчиками и хлопотала, не смотря на постепенный упадок сил. Она как бы желала, чтобы не пропал единый день из немногих, которые ей суждено было провести еще на земле.

Опасность своего положения игуменья сознавала вполне и приняла все меры, чтобы смерть не застала ее врасплох. Она сожгла письма родных и друзей и поручила одной из своих келейниц, к которой имела большое доверие, принести ей заветный портфель с письмами Александра Алексеевича и стихотворениями, посвященными Маргарите Михайловне Нарышкиной. Сжалось ли сердце в старческой груди при виде этих листков, которые говорили ей о давно погибшей молодости, о счастье, о любви? Дрогнула ли наморщенная рука, бросая их в огонь? Об этом никто не знает.

Ей хотелось также поклониться в последний раз мощам преподобного Сергия, к которому она питала особенное чувство благоговения и веры. Но подходил уже март, тающий снег испортил совершенно дорогу, и все уверяли, что доехать до Лавры нет никакой возможности. Пришлось матери Марии отложить свою поездку до летнего пути. Она уступила скрепя сердце лишь необходимости: каждый день был ей дорог. Но в одно утро она проснулась и приказала своей келейнице приготовить все к отъезду. Ей приснилось в эту ночь, что она молится в Троицком соборе пред мощами Сергия, и Радонежский старец вдруг приподнялся и простер к ней благословляющую руку.

Она рассказала свой сон и прибавила:

— Как ни плоха дорога, я уверена теперь, что доеду до Лавры.

И, действительно, она доехала до Лавры и сотворила свою последнюю молитву пред ракой ее основателя.

Игуменья была в дружеских отношениях с наместником и привезла ему свой портрет на память.

— Не бывать уже мне у Троицы, отец мой, — сказала она, — я приехала проститься с нею. Близок час моей смерти: когда меня не станет, не забывают меня в ваших молитвах.

Они долго беседовали, и матушка поверила ему свои заботы на счет будущности своей обители.

— Кому вы думаете доверить ее? — спросил он. И когда она назвала особу, которой желала бы оставить свое место, наместник возразил с удивлением: — Какой странный выбор, матушка! Вы приняли столько скорби от этой женщины!

— Потому именно я на нее и рассчитываю, мой отец, — отвечала мать Мария с той верой в людей, которая ее никогда не покидала, — она постарается изгладить прошлое своей любовью к обители и к сестрам, Да, она это сделает в память мою.

На возвратном пути она остановилась в Москве и пригласила к себе медика, с которым была давно в приятельских отношениях. Он счел долгом ей сказать, что необходимо принять против ее болезни самые энергические меры, и умолял не ездить далее, а предпринять последователь-

ное лечение. Его совет она скрыла одинаково от родных и от Бородинской общины, но последовала бы ему, может быть, если бы не получила письма, которое заставило ее ускорить свое возвращение в обитель: ей писали, что одна из сестер безнадежно больна, и мать Мария пустилась немедленно в путь.

XXIX

Это путешествие сокрушило окончательно ее силы. Больную, которую торопилась обрадовать своим приездом, она не застала уже в живых: отпевание началось в ту минуту, когда две келейницы ввели под руки в церковь утомленную долгой дорогой игуменью.

— Как взглянули мы на нее, — рассказывают монахини, — нам показалось, что не матушка, а смерть ее вошла в храм. Еле передвигала она ноги, лицо опухло, ни кровинки в нем не было. Мы все заплакали, а она подумала, что мы плачем о покойнице.

С этой минуты болезнь пошла быстрым ходом, и с каждым днем усиливалось беспокойство сестер. По требованию Можайского медика был выписан из Москвы врач, с которым приехали также в монастырь несколько членов семейства Нарышкиных. Игуменья осталась до конца верна своему характеру, она скрывала, по возможности, свои страдания от родных и от сестер обители, и старалась успокоить всех. Монахини толпились около нее постоянно, но доктор просил, чтоб удалили ненужных лиц.

Сильно опечалились этим бедные сестры: каждой хотелось видеть хоть изредка матушку. Но больная, угадывая их горе, придумала, чем их утешить. Она переходила, обыкновенно, с утра из своей спальни в *Красную комнату* и садилась около запертой стеклянной двери, ведущей в «слушательную», где сестры ожидали толпой ее появления. Они следили из-за двери за ее дремотой и за каждым ее движением с более или менее грустными лицами, смотря по перемене, какую замечали в ней. С утра до ночи «слушательная» не пустела.

К исходу поста игуменья впала в такое изнеможение, что не могла уже выходить из спальни, и келейницы читали ей поочередно молитвы и Евангелие. Однако на Светлое Воскресенье она вошла в церковь с помощью двух монахинь и приобщилась. Всех сестер она была не в силах принимать в своей келье, но потребовала к себе старших и христосовалась с ними. Зная, как грустно прочим встречать без нее праздник и садиться, словно осиротевшим детям, к столу, у которого опустело место, принадлежащее главе семейства, она послала по красному яйцу каждой из них и велела им сказать, что просит их не унывать и что присутствует мысленно при их трапезе.

Однако внезапная перемена к лучшему неожиданно обрадовала всех. Матушка как будто ожила с появлением апрельского солнца, и все ожило около нее. Силы ее настолько возвратились, что она принялась опять за занятия, и сес-

тры стали приходить по-прежнему в ее келью, кто за приказанием, кто за советом, кто за утешительным словом. Но прошло недели две, и болезнь внезапно обнаружила снова самый безнадежный характер. Игуменья поняла это первая и пожелала принять соборование. Между тем как приготовляли всё к совершению обряда, она послала сказать испуганным сестрам, что «просит соборованья не потому, что чувствует себя в опасности, а чтобы Господь исцелил ее ради них». На другой день она приобщилась Святых Даров и промолвила по окончании благодарственных молитв:

— Теперь я вполне принадлежу Богу.

Но ее связывали еще с землею святыя узы любви, которой она согревала весь окружающий ее мир, и скоро сестрам сообщили, что матушка желает с ними проститься.

Она сидела между двух окон своей маленькой спальни, в креслах мужа, когда монахини стали входить к ней по две за раз. Одни тихо плакали, другие превозмогали себя, и лишь только мертвенная бледность высказывала тайну их горя, они становились молча перед ней на колени, и она благословляла их и говорила каждой задушевное слово на прощание. Внутреннее волнение поддерживало ее нравственные и физические силы. Но когда последние монахини, приняв ее благословение, перешагнули через порог комнаты, мать Мария опустила на колени утомленную руку, проводила глазами удалявшихся сестер и заплакала.

XXX

С этого дня всё приняло в обители безотрад- ный, могильный характер: везде ощущалось при- ближение смерти. Работы были оставлены и мас- терские опустели. Сестры толпились в коридоре, ожидая, чтобы вышла из спальни келейница и со- общила им известие о матушке. Иные налагали на себя обеты, а в церкви следовали один за другим заздравные молебны «о болящей Марии».

А игуменья сидела день и ночь в своих воль- теровских креслах; иногда она дремала и находи- лась, по большей части, в полусознательном состо- янии. Но как скоро приходила она в себя, то ос- ведомлялась о сестрах и просила, чтоб Антония, келейница, которую она горячо любила, читала ей вслух Евангелие.

Раз показалось игуменье, что заспорили две монахини, говорившие шепотом в углу ее комнаты:

— Помиритесь, поцелуйтесь, — сказала она им.

— Матушка, мы не ссорились, — отвечали они.

— Для меня... для меня... — повторяла умо- ляющим голосом умирающая.

Они поняли, что она не ясно сознает, что про- исходит около нее, и поцеловались, чтоб ее успо- коить.

— Спасибо; спасибо, — молвила она, — лю- бите друг друга: живите в мире.

За два дня до своей кончины она благослови- ла образами бывших при ней родственников и по-

ручила им передать отсутствующим членам семей- ства предсмертное свое прощание. Потом она выс- лала всех из своей комнаты, за исключением од- ной из своих любимым монахинь.

— Исполни мою последнюю просьбу, — ска- зала она ей, — когда меня не станет, похлопochи о бедном чиновнике, что просит о своих детях... их надо пристроить. Да еще крестьянин хотел купить рекрутскую квитанцию для сына... ему могут по- мочь в Москве¹.

Настал роковой день. Поутру она приобщи- лась, выпила чаю, потом заснула. Спокойное ее лицо и спокойный сон обманули всех. «Маша одесская» поторопилась сообщить добрую весть монахиням, стоявшим в коридоре.

— Слава Богу, — говорила она, — матуш- ке, кажется, легче: она выкушала чайку и почива- ет. Шли бы вы обедать.

В продолжение двух последних дней никто почти не спал и не ел в обители, и обрадованные сестры пошли в трапезу, где их ожидал обед. Пробило три часа на монастырской колокольне, когда доктор вошел к игуменье, которая все еще спала, опустив голову на грудь. Пощупав у нее пульс, он сел в уголок около ее сестры, княгини Голицыной, которой шепнул что-то на ухо. Кня- гиня побледнела, но не отозвалась. Две келейни-

¹ Монахиня, к которой она обратилась с этой просьбой, была в та- ком горе после ее кончины, что занемогла сильными нервными припадка- ми. Во время болезни ее постоянно мучила мысль, что последнего желанья матушки она не успела еще исполнить. Оправившись немного, она приеха- ла в Москву и обратилась ко всем, кто мог ей помочь: бедное семейство было пристроено и квитанция куплена.

цы стояли у двери и не спускали глаз с матушки. Не слышать было в комнате ни шороха, ни говора. Одни боялись прервать благотворный сон, другие боялись нарушить святыню смерти. Прошло около получаса. Медик встал, подошел к игуменье, пощупал опять пульс, провел рукою по холодевшему лицу и промолвил вполголоса:

— Скончалась.

Княгиня Голицына бросилась, вся в слезах, на шею Антонии, которая оттолкнула ее, подбежала к умершей, схватила ее за плечи и закричала:

— Матушка! Матушка! Что с вами?..

Но в комнате поднялась суматоха: доктор отворил дверь и звал громко сестер... Кто-то взял за руку Антонию и вывел ее в коридор.

Игуменья Мария (в миру Маргарита Михайловна Тучкова) скончалась 29-го апреля 1852 года.

XXXI

Между тем монахини, с повеселевшими лицами, вышли из трапезной. Одни поспешили взглянуть на покинутые работы, другие уселись около самоваров или остановились небольшими группами на дворе и поверяли друг дружке свои надежды: может, и в самом деле, Господь услышал их грешные молитвы, и матушка поправится.

Вдруг зазвучал протяжно колокол, и все вздрогнули, словно ужаленные. Двенадцать заунывных ударов разлились по воздуху, и им в ответ послышались рыдания со всех сторон обители.

XXXII

Шесть суток простояло тело игуменьи Марии в Филаретовской церкви. На монастырском дворе толпились крестьяне, пришедшие из ближних и отдаленных сел поклониться праху. Священники не успевали отправлять панихид, и на бюро, где происходила свечная продажа, сыпались медные деньги: каждый хотел поставить свечку перед иконою за упокой «ее душеньки». В Спасском храме были разобраны плиты над гробом Николая Тучкова, и около него вымерено место для другого еще гроба.

Хотелось сестрам послужить в последний раз матушке и уложить ее в могилу под звуки строительного хора. Погребальную обедню они пропели на славу, но когда отпевание началось, задрожали голоса и повторились те скорбные сцены, которые случается видеть на похоронах матери семейства. Со многими монахинями сделалась дурнота, их вынесли из церкви; вместо клирного пенья раздавался у гроба громкий плач, и священники одни довершили отпевание.

**Письма митрополита Филарета,
Московского и Коломенского,
к игумении Спасо-Бородинского монастыря
Марии (Тучковой)**

✠ 1 ✠

Благословение Божие Вам и сыну Вашему!

Книги буду читать; не обещаю читать поспешно. Детей вдовы надлежало бы взять кому-либо из детей Православной Церкви. Или нельзя ли поместить их в здешний дом трудолюбия, хоть бы пенсионерками, для чего потребное каждый год можно было бы собирать, ибо там не дорого? Не грех было бы отложить для них кусок Юрьевской бронзы или золота; но мысль сия не дойдет туда. А что лишнее у сей бумаги, то потрудитесь передать вдове правой рукою, не сказывая левой.

20 февраля 1825 г.

✠ 2 ✠

Здравие, мир и спасение!

Благодарю за многократное воспоминание обо мне, немощном. Не прогневайтесь за то, что

посетивших принять не мог. Лекарство мое — покой и безмолвие; отворив дверь одному, бываю пойман многими, а потому принужден иметь ее затворенной на время.

Возвращаю книжку. Прочитал около трети: глаза не позволяют более, и любопытство не сильно. Что может быть принято, то кажется знакомым. А иного лучше бы не читать, как например, страницы, где рядом стоят Моисей, Магомет, и — не хочу выговорить, — с признаками равенности обоюдно выраженными. Дрожжи революционной философии бродят в уме автора, и он еще не отстоялся для чистой истины, хоть она и есть в сем смешении, бесспорно, есть. Счастлив умствователь, который не забывает новое вино своих мудрований поставить пред вечным солнцем, чтобы дрожжи предрассудков и до страсти любимых мнений упали на дно, прежде нежели он понесет сосуд свой ставить на трапезу.

3 марта 1825 г.

✠ 3 ✠

Мир вам!

Благодарю с Вами Господа, призвавшего Вас к трапезе Своей. Да укрепит Он сердце Ваше и исполнит истинной жизнью.

Почему Вы думаете, что радость далеко? Она близко за скорбью, как в Песни песней, жених за стеною близ невесты. *Вечером водворится плач, а утром — радость* (Пс. 29; 6). Далеко ли?

Одиночество — дело не худое, когда умеют им пользоваться. Не хорошо ли, когда никто и ничто в мире не останавливает человека? Тогда, если он знает и помнит Бога, прямо идет к Нему. Одиночество на земле ведет в общество небесное.

Господь и радость Его да пребывают с Вами, особенно ныне.

Испросите мне прощение у родных Ваших за то, что я не принял их после служения, по немощи моей.

Одно слово Вам: Христос воскрес!^{*}
2 апреля 1827 г.

Мир Вам!

Молитва Господня, которую мы слышали сегодня в Евангелии, есть крайняя высота священного восторга, бесконечная для созерцания, неисчерпаемое сокровище надежд христианских. Благодарить Господня да сподобит нас не лишиться причастия благ, которые ею всем нам испрошены.

Апостольское же чтение нынешнего дня^{**} — прощальное. Сия мысль пришла мне в домовый церкви, а преосвященному Кириллу — в Архангельском соборе.

Вещь, которую вы называете полезною, едва понятна для меня в сей форме. Первая польза

---

* Опубликовано в журнале «Душеполезное чтение». 1868. Ч. 1. С. 61–62.

** Деян. 21; 8–25

может быть та, если я основательно пойму ее. Повинуюсь и благодарю.

Что сделало бы меня сегодня несвободным, не предвижу.^{*}

15 мая 1827 года.

Мир Вам!

«Христос раждается, славите». Сие сказал свт. Григорий Богослов в слове, а прп. Иоанну Дамаскину так это понравилось, что он заставил всю Церковь петь сие. Желая, чтобы Вы не сделали из себя исключения, но чтобы во дни радости Христовой радовались о Христе и прославляли Его, забывая собственную печаль. Если Вам и вспомнится Рахиль, плачущая о чадах своих, не останавливайтесь на сем воспоминании, но смотрите далее, что говорит ей пророк Иеремия: *Да освободится глас твой от плача, и очи твои от слез, ибо есть награда за дела твои, — говорит Господь (Иер. 31; 16).*

Господь говорит это и Вам, если только хотите слышать и принять слово милости и надежды. Вы сами некогда писали мне, что, не имея, с кем беседовать, говорите с пророком: *пою Богу моему, дондеже емь, да усладится Ему беседа моя и да возвеселюся о Господе (Пс. 103; 33–34).* Это так хорошо, что я не желаю Вам иных бесед, а желаю,

---

* Опубликовано в журнале «Душеполезное чтение». 1868. Ч. 1. С. 260–291.

чтобы Вы в том самом, что Вы делаете, упражнялись и успевали более и более.

По Бородинской приходской церкви ничего предпринимать не думаю, имея опыт не достаточно успешный. Пусть пекутся прихожане и священник, которому надобно быть ревностнее, чтобы получить помощь.

На что Вам в вашей церкви алтарь просторнее того, в котором и архиерейскому служению теснота не мешала? Посему не почитаю нужным переделывать иконостас, если нет на то другой причины. Если иконостас переделывать нужно по причине какого-нибудь повреждения, то можно кстати и переставить его, если подлинно нужно распространить алтарь. Впрочем, не запрещаю Вам, только сами смотрите, чтобы не озаботить себя предприятием ненужным. Не нужнее ли молитва, нежели улучшение расположения молитвенного храма?

Архимандрита принадлежащей ему части дохода лишить нельзя, и что Вам вмешиваться в раздел? Вы довольно помогаете монастырю Лужецкому. Помолитесь Богу, чтобы помог мне доставить монастырю доброго архимандрита, который бы там жил. Тогда лучше можно будет позаботиться о том, чтобы упрочить Ваши распоряжения по церкви вашей.

Мир душам Вашим.*

23 декабря 1827 г.

* Опубликовано в журнале «Душеполезное чтение». 1868. Ч. 1. С. 62–64.

Мир Вам!

Зная вашу веру и упование, заставляю себя думать, что печаль ныне менее властвует над Вами, и изнуренное страданиями сердце начинает чувствовать утешения, которые, подобно каплям росы, источаются из Источника вечного блаженства.

Два года мучительной, отчаянной скорби — достаточная жертва миру и плоти. Не дивитесь сему названию: и плач святых о временном лишении не назван благоприятной жертвой Богу, а наше продолжительное и тяжкое сетование не только не богоугодно, но даже бывает грешно. Нам сказано: *не скорбите, как прочие, не имеющие упования* (1 Фес. 4; 13).

Время Вам взирать на переселившихся в вечное блаженство так, как на отбывших в отдаленный город на службу Царю, самую почетную. Вы рады поспешить к ним, но готовы ли к тому, чтобы там быть с ними? В небесном царстве нет печали, и с печалью туда не принимаются. Не говоря о другом приготовлении, требуется довольно времени, чтобы здесь при помощи Божией освободиться от бремени скорбей, с которыми душа не может вознестись на небеса. Молитесь об исцелении скорби Вашей и вместе с тем просите у Господа продолжения жизни временной, сколько потребно для приготовления к вечной.

Супруг Ваш — с мучениками, сын — с девственниками. Вас ведет Господь тем и другим пу-

тем, чтобы соделать Вас участницей той и другой радости. Мученики не проливали слез во время страдания, и девственники не сетовали об одиночестве. Последуем им, насколько можем. Наше дело — нести налагаемые кресты с любовью, детским смирением и христианским терпением, а не измерять их и не сравнивать с другими, не сетовать в лишениях, а бодрствовать над собой и крепиться, дабы, изнемогши, не лишиться уготованной награды. Время Вам без ужаса и горести верить, что нет для Вас лучшего пути к небесному царствию. Припоминайте чаще: *сила Божия в немощи совершается* (2 Кор. 12; 9). Господь в свое время препоясывает и ведет Своих избранных так, как бы они не желали, но туда, куда желают пойти.

Берегите ваше здоровье для спасения души, беседуйте с родными и знаемыми, помогайте во имя Господа Иисуса Христа бедным, утешайтесь, утешая несчастных. Не грешно думать, что, может быть, Вы избраны орудием для утешения тысячи страждущих. Если и за чашу воды обещана награда (Мф. 10; 42; Мк. 9; 41), то сколь велико будет воздаяние за тысячу чаш? И как мы осмелимся отказываться от труда и воздаяния? Не требуется ли время для заслуг, порознь малых, но в совокупности составляющих великое?

Благодарите Господа за дарование Вам двух лет жизни и желайте прожить на земле еще двадцать, а как жить и что делать — Он вразумит и покажет. Говорите сердцем и душою: *буди имя*

Господне благословенно отныне и до века (Иов. 1; 21)!

Господь Иисус Христос да дарует Вам мир и утешение и совершит во славу пресвятого имени Своего спасение Ваше!*

Мир Вам!

Спешу сказать коротко то, что почитаю нужным.

Можно вести жизнь монашескую и без обета. Дать обет и остаться в мире кто узаконил?

Когда хочешь принять благословение, надобно смотреть, имеет ли право благословлять обещающий благословение и как и в какой степени получил он это право.

Что делается на всю жизнь, то лучше делать нескоро, нежели торопливо.

Пасущий Израиля пасет и остриженное, и неостриженное в стаде Своем. Да пасет Он Вас на месте злачном (обильном), да питает на воде тихой, наставляя Вас на стези правды имени ради Своего (Пс. 22; 2, 3).**

22 февраля 1828 г.

---

* Опубликовано в журнале «Чтения в Обществе любителей духовного просвещения». 1868. Кн. 4. С. 85—87.

** Опубликовано в журнале «Чтения в Обществе люби-

❖ 8 ❖

Возлюблю Тебя, Господи, Крепость моя! Господь — Утверждение мое (Пс. 17; 2, 3)!

Мир Вам!

Возблагодарим Его воистину благодарением любви, ибо Он явился крепостью и утверждением Вашим в самой глубокой немощи. Да продолжит Он укреплять Вас и душевно, и телесно!

Вы больны, а я здоров, но вот одним письмом отвечаю на Ваши три. Кто тут виноват? Очевидно, я. Однако так как не хочется мне одному нести большое бремя вины, то я помышляю сложить небольшую частицу его и на Вас. При столь малых силах не должно было Вам писать так много.

Это замечено не для прошедшего, что было бы бесполезно, а хочу сказать, что вообще надобно Вам меньше писать. И всего для малых сил надобно понемногу, чтобы они могли переносить без истощения труд и движение, и удобно возобновлять силы отдохновением и покоем. Бережливость сего рода особенно нужна, когда зима борется с весной. Может быть, Вы скажете, что, говоря это, я вмешиваюсь в дело Григория Яковлевича*. В таком случае, Вы властны спросить его, походит ли на правду то, что я говорю. А что и он подтвердит, в том послушайтесь охотнее двоих, если неохотно слушаете одного.

* Высоцкого, известного в то время доктора в Москве.

Благословение и мир Божий Вам и многим, и всем сынам и дочерям мира!*

13 марта 1828 г.

❖ 9 ❖

Христос воскресший да будет и с Вами,
и да воскресит Вас духовно,
да будет и воскресение по телу блаженно!

Видеть невидимые, но подлинные грехи человеку иногда препятствуют видимые, но мнимые добродетели. Иной, например, без истинной доброты, по собственной воле и выдумке, обременит тело свое веригами и вздумает, что он уже вступил в истинный чин Христовых крестоносцев по духу, а не замечает, что на внутренней стороне вериг написано: *в самовольном служении и изнурении тела* (Кол. 2; 23). Это, впрочем, говорю не против вериг, для которых есть люди, и времена, и причины.

Еще говорят Отцы: если нет сокрушения и умиления, должно подозревать, нет ли тщеславия.

Надобно испытывать себя: *искуси мя, Боже, и увещай сердце мое, и виждь, аще есть путь беззакония во мне, и настави мя на путь вечен* (Пс. 138; 23, 24).**

19 апреля 1828 г.,
Санкт-Петербург.

* Опубликовано в журнале «Чтения в Обществе любителей духовного просвещения». 1868. Кн. 4. С. 87–88.

** Опубликовано в журнале «Чтения в Обществе любителей духовного просвещения». 1868. Кн. 5. С. 61–62.

Мир Вам!

Касательно Вашего приезда в Москву, я уже сказал на днях сестрицам Вашим, что удобнее Вам одной приехать к трем, нежели трем к одной.

Живость многолюдства Вам не нравится, и встреча с мертвым кажется встречей двух мертвых: что же Вам угодно будет? Не бегайте упорно людей: между ними есть люди Божии. Встречайтесь мирно с мертвыми: *Бог не есть Бог мертвых, но живых* (Мф. 22; 32). Если покойная тетюшка проливала о Вас слезы сострадания, пролейте над нею слезы любви, но светлые, а не огненные. В ином смысле все мертвецы, но для всех есть воскрешение и жизнь вечная. Остаемся в надежде жизни: *ибо упованием мы спаслись* (Ис. 30; 15).*

4 июня 1828 г.

Мир пустыне и обитающим в ней!

Да слышится утешительный глас вопиющего в пустыне (Мф. 3; 3), да наполнятся дебри, да смирятся холмы, да узрят спасение Божие ожидающие спасения Божия!

Доброе слово: *Вот я, Господи!* (Исх. 3; 4) Я не умею к сему прибавить, и, мне кажется, дело не в

* Опубликовано в журнале «Чтения в Обществе любителей духовного просвещения». 1868. Кн. 5. С. 61—63.

том, чтобы прибавить, а в том, чтобы хорошо было сказано. «Если сказало сердце» — хорошо сказано.

Если хотите учиться молитве у человека, то вот Вам ответ: *О чем помолиться подобает, не знаем* (Рим. 8; 26).

Если скажете: *Господи, научи нас молиться* (Лк. 11; 1), — на это ответствовано более, чем однажды.

Вы желаете, чтобы Вас научили любить Господа. Но учил ли нас кто любить некоторых любезных нам человек? Не любили ли мы сильно, не учась любить сильно? Неужели удобнее любить то, что менее достойно любви? *Отпускаются грехи ее многие, ибо она возлюбила много* (Лк. 7; 47). Где училась она так любить? Вместо елса у нее были слезы покаяния; любовь Божия к кающемуся, как небесный огонь, упала на них, — и светильник ее возгорелся.

Хорошо Вы замечаете, что Господь нас сближает с добрыми и смиренными душами, чтобы дать пример нам. Возлюбим Его в этих орудиях Его и их возлюбим в Нем!

Странник у меня был. Не он гоним, а закон духа гоним законом буквы, и служители его не ведают, что творят, или не умеют сотворить по букве то, что видят по закону духа. Я предложил ему, что мог.

Что Вы за послушание ходите в пещеру, то не потеря, а может быть, и приобретение. Молитва в келье может иметь то же достоинство, что и молитва в пещере, в таком случае послушание доставляет чистую прибыль. Бог да благословит послушание Ваше, и послушанием да введет Вас в свободу,

ибо я уверен, что ради Него послушание Ваше, в малом ли, в великом ли, а не ради человека.*

24 октября 1828 г.

❖ 12 ❖

Милость, мир и утешение от Господа!

Не знаю, где найдет Вас это письмо, и потому повторю Вам: на болезнь гневаться не должно, а заботиться о здоровье должно; внимательно посоветуйтесь с опытным врачом.

«В мире стало пусто,— говорите Вы.— И так небольшое число любезных душ составляет полноту мира». Верно ли это? Почему пусто там, где, как и прежде, пребывает везде Сый и вся Исполняяй? *Я с вами во все дни до скончания века* (Мф. 28; 20). Когда же могло сделаться пусто? Христос с Вами, *исполненный благодати и истины* (Ин. 1; 14)!

Мир пустыне Вашей и обитающим в ней.**

12 февраля 1829 г.

❖ 13 ❖

Бог да благословит Вас таким благословением, каким благоволит Он и какое для Вас

---

* Опубликовано в журнале «Чтения в Обществе любителей духовного просвещения». 1868. Кн. 4. С. 88—89.

** Письма с 12 по 23 опубликованы в журнале «Чтения в Обществе любителей духовного просвещения». 1868. Кн. 5.

приличествует, только верно — благословением, в котором Он не отказывает никому, разве только тому, кто не хочет благословения, по написанному: *не восхотел благословения — и оно удалится от него* (Пс. 108; 17). А Вы, верно, хотите благословения, когда просите; и если бы не просили, я не усомнился бы в том, что хотите.

Напрасно изобрели Вы мысль о ложном стремлении к Богу и окружили ее разными догадками, Вас затрудняющими, вместо того, чтобы молиться и говорить: «или хощу, или не хощу, спаси мя!»*

Вы вышли из Москвы и стремитесь в Спаскую пустынь. Пройдя много ли, мало ли, и не видя пустыни, Вы останавливаетесь, и вместо того, чтобы идти далее, мучите себя заботой, не сбились ли с дороги. Что не видно цели пути, это правда, но из этого еще не следует, что Вы сбились с дороги. А сомнение не приближает к цели. Разберите сами, не походит ли сия притча на ваше состояние.

Если это не все, прибавим: у Вас мелькнуло что-то в глазах, и Вам показалось, что это церковь Спаса. Но потом это скрылось. Вот опять беда? Нимало. Сойдя под гору, Вы не видите того, что видели с горы, но это бывает не только тогда, когда возвращаетесь назад, но и тогда, когда продолжаете идти. Вы спрашиваете: «По мере слабости телесной не возвышалась ли бы сила духовная?» Иными словами это значит: не должна ли благо-

---

* Из молитвы на сон грядущим св. Иоанна Дамаскина.

датная сила действовать так, как воле заблагорас-
судится?

Вспомните слова Господни: *Душа Моя скор-
бит смертельно* (Мф. 26; 38), — и этой смерт-
ной скорбью исцелите скорбь Вашу, еще не смер-
тельную.

Господь да подкрепит Вас.

21 июня 1829 г.

❖ 14 ❖

Мир вам!

Един Богатый — не только правдой для пра-
ведных, любовью для добрых, но и милосердием
для грешных. Мы же все бедны, и тот ближе к бо-
гатству, кто более знает и чувствует свою бед-
ность, да не будет тяжело ее чувствовать с надеж-
дой на Того, Который нас ради обнищал, будучи
богат, дабы мы нищетою Его обогатились (2
Кор. 8; 9).

В немощи вашей душевной ли, телесной ли,
да совершается сила Божия, исцеляющая и
спасающая.

7 августа 1830 г.

❖ 15 ❖

Радуйтесь о Господе, и мир, принесенный Им
с небес, да посетит душу Вашу!

Что касается умножения живущих с Вами, вот
что мне думается. Принимать слишком много и
потом не знать, что делать с принятыми, — едва

ли это порядок. У свв. Саввы Освященного или
Феодора Освященного в пустынях жили сотни и
тысячи, но не читаем, чтобы они кого-то приняли
потому, что тот дает деньги или землю и тем под-
держивает общежитие: так думали в старину.

Бог да утвердит и совершит Ваше устройство
душевное.

24 декабря 1830 г.

❖ 16 ❖

Бог да благословит Вас и сущих с Вами, и в
чем требуете прощения, да простит, и даст Вам
обрести мир и радость о Нем.

Прошу себе и от Вас прощения, между про-
чим, за слова, которыми прекословлю Вам иногда,
хотя, впрочем, делаю сие, желая мира Вам.

Гонение мира на тех, кои хотят быть не от
мира, предсказано Господом. Должно ли сму-
щаться тем, что исполняется слово Его? Пусть
гонят из мира. Но куда же? Поищите, куда
можно гнать из мира, и не найдете куда, — толь-
ко к Богу. Далее мира нет ничего, кроме Бога.
Итак, беда ли гонение, если сам гонимый не ис-
портит дело гонителей, которое они хотели де-
лать как можно хуже и которым управляет со-
кровенно Бог лучше, нежели можно вообразить?
Себе должен внимать и гонимый или опасую-
щийся гонения, и сострадающий гонению, чтобы
не подать справедливой причины гонению и тем
не лишиться себя справедливой защиты провиде-
ния Божия.

Сомневаюсь, нужное ли дело делает иеромонах Макарий, приглашая издалека людей, которых, может быть, Бог к Вам не призывает. Иное было бы дело, если бы кто невинно гонимый искал убежища; тогда принять его есть дело человеколюбия. Но надобно стараться и добрые дела вести с осторожностью, чтобы впереди их не шло наше мудрование и наша воля.

Когда Вы присылаете мне простое и нужное рукоделие, тогда я имею истинное приобретение и охотно думаю, что во время холеры ноги мои сохранились от судорог с помощью чулок, связанных добрыми и человеколюбивыми руками, но сосуд с позолоченными краями из пустыни человеку, около которого и без того много роскоши, — разве только в обличение роскоши? В таком случае обличение можно было бы написать и послать с меньшей заботой, чтобы оно не разбилось по дороге. Довольно мир учил нас суете и прихотям; подвигнемся напоминать друг другу о простоте и удовлетворении в нужном легчайшими, неизысканными средствами.

Просил прощения в прекословии и опять прекословлю, опять простите, да и Вам умножится прощение и благословение.

28 февраля 1831 г.

✠ 17 ✠

Мир вам!

Вы в бедах, говорите Вы. В каких? По крайней мере, не в одной ли беде, то есть не в опасности ли

болезни? Если это так, то вспомните, что умереть можно каждую минуту, когда и нет угрожающей болезни; что опасность пришла к Вам не к первой и что Бог Провидением Своим сохранил многих, окрест коих она ходила. Кому еще нужно подвизаться в земной жизни, того Бог оставит в ней, только бы сам он на себя не навлек беды. Кого пришло время взять с миром из мира, — «блаженни, яже избрал и приял еси». Для того же, чтобы с нами был Бог, знаете, что надобно: чтобы мы были с Ним. Молю Его, да дарует Вам сие в молитве, и в вере, и любви.

9 августа 1831 г.

✠ 18 ✠

Мир вам!

Вы обещаете не повторять слов о Вашей скорби, заметив, что кто-то не любит этого. Полно, справедливо ли Вы заметили? Неужели он подлинно меньше любит повторение печального воспоминания о кротком чаде, которое взял Отец Небесный, нежели рассказы о резвых чадах земли, чье веселье долго ли продолжится и какие принесет плоды — неизвестно? Впрочем, как бы то ни было, дело здесь должно состоять не в человекоугодии, не в том, чтобы не делать того, чего кто-то не любит, но в том, чтобы человек старался сделать себя таким, каким Бог любит видеть человека.

Бог же в слове Своем говорит: возложи на Господа печаль свою (Пс. 54; 23). О умерших не

скорбите, как прочие, не имеющие упования (1 Фес. 4; 13), и т. д. Послушал бы я, как бы стали Вы доказывать, что слова эти, сказанные всем христианам, к Вам одним не относятся? Иисус Христос называет Святого Духа иным Утешителем (Ин. 14; 16), следовательно, в то же время и Себя Самого понимает Утешителем. Кто же осмелится похитить у Божества имена сии, по своей воле присваивая себе скорбь безутешную на все дни жизни? Но я не обретаю утешения? Бывает сие. Но не должно забывать, что Бог может безутешному через минуту даровать утешение, и надобно жить в этой вере и надежде утешения, если не в самом ощущении утешения.

Вы говорите о внутреннем устройении и тут же — о колокольне. Первого я Вам усердно желаю. Об устройении же колокольни не знаю, что сказать Вам. У прпп. Антония и Пахомия Великих не было и маленькой колокольни. Думаете ли Вы, что потому их пустыни были крайне недостаточны и несовершенны? Вернее то, что могу сказать с апостолом: *сами, как живые камни, устройте из себя храм духовный* (1 Пет. 2; 5).

26 февраля 1832 г.

✻ 19 ✻

Благодать Воскресшего, Воскресителя нашего, да будет Вам верным и незагражденным источником истинной жизни, мира и радости!

Познать ничтожность поверхностного блеска, который ныне в людях называется просвещением

и образованностью, есть одна из степеней для восхождения к мудрствованию здравому и правому. Кто возведен на нее, тот да благодарит Вождя Невидимого.

Кто долго жил любовью к сотворенному, хотя и не беззаконной, и потом познал долг и потребность жить любовью к Несозданному, тот пусть терпеливо переносит ощущение скудости любви. Оно должно иметь место по порядку, когда тварная любовь должна умереть, дабы родилась любовь Божественная.

12 мая 1832 г.

✻ 20 ✻

Мир Вам!

Заповедь Вам не моя, но Господня: возьми крест на всякий день (см. Мф. 16; 24), — то есть всегда с готовым сердцем, с послушанием, с любовью принимай скорбь, изнутри или извне находящую по судьбам Провидения Божия.

Глава крестоносцев да сотворит Вам крест ваш в ношении удобном, в действии спасительном.

16 июня 1832 г.

✻ 21 ✻

Мир пустыне и пребывающим в ней!

Говорят, что пустыня хочет быть штатным монастырем. Нетрудно угадать, что может произойти. И едва ли не лучше как можно менее составлять своих планов и как можно более допус-

кать вводить себя в планы Провидения, которые, конечно, лучше наших.

Одна из обитающих у Вас проговорила мне, что Вы ищете певички для клироса. Не роскошь ли это пустынная? Хорошо поет Богу не тот, кто поет искусно, а тот, кто поет разумно и усердно. Прошедшим летом, в Лавре, в больничной Церкви я слышал, как один престарелый пел один и рознил сам с собою; но вечерня была хороша. В древних пустынях держали правило: *приходящего не изгоню* (Ин. 6; 37). А чтобы набирали, того я не слышал.

Желаю, чтобы пустыня Ваша была не изысканным устройством красна, но благоугодна Богу простотою и чистотою Божией, тихим и безмолвным житием.

Мир и спасение Вам призываю.

12 июня 1832 г.

Мир Вам и сушим с Вами!

Да, полезнее заботиться о приготовлении к будущему, нежели гадать о времени перехода. Всегдашнее внимание к приготовлению делает его благим, рано ли, поздно ли. Любопытство же не сделает его лучше. И когда напоминают о времени, возбуждают к приготовлению. Да поможет Вам Бог непрерывно пожить в ожидании блаженного упования на Господа нашего Иисуса Христа и в очистительном приготовлении к принятию обетования сего верно и невозбранно.

Тому, у Которого обителей много на небесах (Ин. 14; 2), поручайте и обитель земную. Он, взирая на намерение и веру, устроит ее сохранение через того или другого. Мы можем обещать попечение, но только Он может даровать успех.

13 августа 1832 г.

Мир Вам!

Радуйтесь Ему с трепетом (Пс. 2; 11). Это тотчас пришло мне на мысль при чтении письма Вашего. Хорошо, если *радуемся Богу, Помощнику нашему*. Но когда к радости о Боге присоединяется радость о дарах Его нам, не всегда заметишь, как примешается сюда радость о себе, и сия примесь лишит радость Божественную чистоты, ей свойственной. Потому очень надобна осторожность присоединять к приятному приятное, — к радости трепет, к радости о Боге — трепет о своем достоинстве, которое может и чистый источник возмутить излишним движением, и свет затмить или превратить в поверхностный блеск и призрак.

Вы справедливо опасаетесь дерзновения. Отцы велят в отношении и к людям, и к месту, где человек пребывает, сохранять бездерзновенность. Тем более — к Богу и небесам.

Не знаете ли Вы, что чадо Николай отошел с верой, с детской любовью к Божественному, что *таковых есть царствие Божие* (Мф. 19; 14)? Не довольно ли сего, чтобы Вы вспоминали его с

миром и упованием? Надобно ли еще докучать небесам, чтобы от времени до времени посылали Вам оттуда вестника сказать, что там делает чадо Николай? Перестаньте, по крайней мере, теперь; отдайте на волю Отцу Небесному и милосердное извещение, и священную безвестность.

Отец Алексей написал ко мне прошение о билете в больницу, и больше ничего. Я велел дать билет, и трудно было сделать что-нибудь еще, — как ломиться в дверь сердца к ближнему, когда ее не отворяют? Однако я поручил одному из духовных постараться войти с о. Алексием в искреннее сношение.

Вы спрашиваете, как враг смеет коснуться служителя алтаря? Так же, как дождь сквозь худую кровлю проходит в алтарь и в комнату, как ветер сквозь скважину задувает свечу в алтаре и в комнате. Алтарь и служение остается святым, а не радеющий о целости своей храмины обличается последствиями сего небрежения, малого или великого, и побуждается поправить кровлю, заградить скважину, чтобы предупредить больший вред.

За сим благословение, мир и радость вашей пустыне от Родившегося в яслях и Прославленного пред пастырями.

20 декабря 1832 г.

Мир Вам и пустыне Вашей!

Благословим Бога, тайнодействующего и дарующего испытать и ощутить, что Его тайнодействия

приносят Его силу и жизнь, Его свет и мир. И если Он милостив к незаслужившим, будем верны милующему. Кто чувствует внутренно, что Господь близ него, тот должен тихо, но бодренно стать у двери своего сердца и не допускать в него молву земных помыслов, не совместимых с присутствием Гостя Небесного. Да живет *потайный сердца человек в нетленной красоте кроткого и молчаливого духа, что пред Богом многоценно* (1 Пет. 3; 4), как говорит апостол, следовательно, очень достойно бдительного хранения от человека. Мир Божий да соблюдает сердце, и разумение, и житие Ваше.

Апостол велит *молиться друг за друга* (Иак. 5; 16), не полагая различия между молящимися. Да исполняем сие в простоте.*

15 января 1833 г.

Прочитав Ваше изречение о том, что консистория Вас теснит, я пожалел о минуте, в которую оно написано, думал, что следующая минута поправит дело. К большому удивлению моему, нашел в другом письме Вашем тот же взгляд на дело.

Не защищаю консисторию; жалуясь иногда на нее и я за невнимательность или бездеятельность, но дух притеснения совсем не есть дух Московской консистории.

* Опубликовано в журнале «Чтения в Обществе любителей духовного просвещения». 1876. XI. С. 148—149.

Послушайте же: духовный человек никого не осуждает; а винить невинного и мирские не почитают добродетелью. Подумали ли Вы о сем, произнося суд Ваш на Московскую консисторию?

Минута искушения показывает, столько ли мы преуспели в духовности, как казалось в минуты восторга или в часы мира.

Вы прилагаете к себе изречение апостольское: «брошены, но мы не пропадем» (см. 2 Кор. 4; 9). Смиренно ли и справедливо ли? Кто Вас бросил? До Вас еще никто не касался перстом. Не в воображении ли только представляете Вы себя гонимыми и отверженными?

Вы признаетесь в ропоте и дерзновенности. Не то ли это значит, что Вы признаетесь только в несоблюдении терпеливого молчания, а между тем думаете, что роптали и дерзновенно говорили против людей несправедливых и достойных осуждения? Если так, то истина и смирение самым признанием Вашим не удовлетворены.

Видите, как мой взгляд отличен от Вашего. Выбирайте, кто видит правду: Вы или я. Может быть, из сего разбирательства извлечется некоторая польза для самопознания. А если найдете, что я защищаю гонителей и сам гоню, терпите меня без гнева, и да даст Вам Господь мир и венец терпения, как за всякую скорбь, так и за ту, которую наношу Вам прекословием.*

*30 января 1833 г.,
Санкт-Петербург.*

* Опубликовано в журнале «Чтения в Обществе любителей духовного просвещения». 1868. Кн. 5. С. 74–75.

Да веселится пустыня,
и да цветет, яко крин.

Государь Император утвердил положение Св. Синода о дозволении при Спасской церкви на Бородинском поле устроить женское богоугодное общежительное заведение. В положении Св. Синода сказано, чтобы сие было основано на правилах, подобных тем, на которых с соизволения блаженной памяти Императора Александра учреждена Борисоглебская Аносинская богадельня, что ныне — монастырь. А так как правила эти были правила монастырского общежития, кроме только пострижения, то, кажется, Вы теперь имеете вполне то, что просили. Благодарите Бога, молитесь за Государя и будьте богоугодным общежитием не по имени только, но и по искреннему усердию благоугождать Богу и спешествовать в том друг другу, с единою душою, любовью и смирением.

Возвращаю письмо миссионера. Он идет путем, который сам избрал. Путь миссионера легок не бывает. Если укрепится, получит воздаяние свыше. Если препятствия непреодолимы, может сказать начальству. Неприлично посторонним влечь его назад. И если бы кто посторонний, вмешавшись в чужое дело, отвлек миссионера от его подвигов, не зная, точно ли это нужно, и лишил пользы тех, коим он проповедует, что бы это было: благодеяние или грех?

Пекитесь о сестрах вашего общежития, а о миссионере молитесь. Мир Вам. Мир всем.*

8 марта 1833 г.,
Санкт-Петербург.

❖ 27 ❖

Поскольку письмоносец достигнет вас не ранее праздника, то на вашу долю достается от меня первое:

Христос воскрес!

Вот некоторые мысли по поводу ваших мыслей.

Неприятно, когда человек находит себя не таким, каким бы желал. Но лучше ли было бы то, если бы он был собою доволен, и сказал: *ни в чем не имею нужды*, как сказал кто-то в третьей главе Апокалипсиса (см. Апок. 3; 17)? Припадем с нашею нищетою к Богатому милосердием и у Него испросим одеяния белого, которого самим для себя ни шить, ни соткать не удастся.

Привязывающийся к месту земному пусть вспомнит изречение апостола: *земля и земные дела сгорят* (2 Пет. 3; 10).

Привязывающийся к единомудушным пусть старается еще теснее привязать их и себя к Единому, связующему Своих союзом любви чистой и свободной.

---

* Опубликовано в журнале «Чтения в Обществе любителей духовного просвещения». 1868. Кн. 5. С. 74–75.

Пусть вера дает дерзновение. Но не надобно забывать и то правило, которое дают Отцы по внушению смирения: *стяжи без дерзновения*.

Мир Вам и общежитию.*

27 марта 1833 г.,
Санкт-Петербург.

❖ 28 ❖

Благословение Божие Вам и пустыне, на всякий день, следовательно, и на двадцать шестой день августа. А на сей и еще особенно благословение Матери Господней, страдавшей Матернею скорбью многие годы и до Креста, и во время распятия Ее Сына, и, будучи много искушенной, без сомнения, много могущей помочь.

Прибыть в Москву можете, но, услышав о сем намерении, признаюсь, я подумал о сей несообразности: хотели и домогались пустыни, имея волю быть в мире, а когда пустыня есть, чаще прежнего оглядываемся в мир.

Петр Иванович, мне кажется, пользуется скорбью, как должно послушнику Провидения. Господь да помогает ему.

Пользуйтесь благом тихого сидения в пустыне, и молитесь о тех, коим суждено много странствовать.**

23 августа 1833 г.

---

* Опубликовано в журнале «Чтения в Обществе любителей духовного просвещения». 1868. Кн. 5. С. 76–77.

** Опубликовано в журнале «Чтения в Обществе любителей духовного просвещения». 1868. Кн. 5. С. 77–78.

Мир Вам!

С утешением воображаю вас тихим собором празднующих вчера за трапезою Господней праздник Господа, а вместе с тем и душ, в Него верующих, праздник, столь Ему приятный, что Он Сам сказал о нем: «желанием возжелал» (Лк. 22; 15). Да будет праздник ваш по Его желанию, да и ваши благие желания исполнятся или получат надежду исполнения. Будучи уверен, что вы вспомнили на сем празднике и меня и что сие воспоминание приносит и мне благо, благодарю вас перед Господом, или лучше молю Его, да дарует вам благо, ибо кто, кроме Него может дарить благо? Да дарует Он Вам благо мира, благо здравия, а если и немоществование видит благим для вас, да дарует вам благодушие в немоществовании.

На пути мы все, и хорошо думать о сем, чтобы не забыть путевых распоряжений. Против ваших я не имею возражения.

Меня письмо Ваше нашло странствующим из Москвы в монастыре Перервинском, где я провел трое суток, где дело делается беспрепятственнее и тишина слышнее. Но надобно было возвратиться опять в молву города.*

2 декабря 1834 г.

---

* Опубликовано в журнале «Душеполезное чтение». 1868. Ч. 1. С. 64.

Спасского общежития настоятельнице
и подвизающимся с тобою

благословение, мир и помощь от Господа!

Вы говорите о крестах монашества. Хорошо со смирением и послушанием принимать их от руки Божией, но не надобно выработать их самому для себя. Вы видите в Писании, что некоторым дается имя, которого никто не знает, только Принимающий (см. Апок. 1; 17), и не трудно Вам понять, что неправильно было бы разглашать такое имя против распоряжения Давшего его.

Поймите же, что и Вы поступили неправильно. Вам сказано, что имя дано Вам не для мира. И Вы не имели для мира никакого доказательства на то, что оно Вам дано. Для чего же было поступать против сих указаний? На что после отречения от своей воли своя воля? На что перед людьми тщеславиться тем, что получили Вы только для Вашей души и для Бога? Смирите ваш помысл: это была не добродетель, а погрешность. Это не было законное исповедание истины, ибо истинные христиане самое имя Христово исповедовать не решились своевольно и как вздумалось бы. Притом, без пользы провозгласив ненужное миру имя, Вы отнимали помощь не только у себя, но и у общежития: на что было делать это без нужды?

Но кончим состязание законом. В указе Св. Синода от 21 июля 1804 года сказано, что о рясофоре в представлениях упоминать не следует, и рясофорные с переменой прежних имен пи-

шутся не надлежаще, то есть не должны так писаться. Предписывается Вам не нарушать сего указа.

Вчера, в один день с вышеупомянутым отношением, получил я Ваше письмо об обращении общежития в монастырь, что, впрочем, было уже мне здесь не безызвестно, потому что по всеподданейшему письму Вашему взято было от меня некоторое сведение. Господь да устроит о Вас благое, и из ненарочно спутанных нитей да соткнется Вам благодатный покров. Но как было Вам не догадаться, что в письме о таком предмете не должно касаться никаких посторонних и частных дел, потому что оно должно поступить в присутственное место? И простому общежитию не всегда можно было поступать, как случится. Но если хотите быть чинно устроенным монастырем, извольте учиться порядку.*

*4 февраля 1837 г.,
Санкт-Петербург.*

Благословение и мир от Господа
начальнице общежительствующих Мелании
и сподвизающимся в послушании любви!

Видите, что не отняли у Вас имени, данного с благословением. А что в глаза миру поставлено

---

* Письма с 30 по 34 опубликованы в журнале «Чтения в Обществе любителей духовного просвещения». 1868. Кн. 5. С. 78—84.

старое имя, о чем плакать? Великого князя Владимира нарекли во святом Крещении Василием; неужели плакать надобно было ему о том, что его продолжали называть Владимиром? Не всегда добрые имена провозглашаются пред всеми. Есть имя новое, которого никто не знает, только Принимающий (Апок. 1; 17). Только бы дали сие имя; пусть не сказывают о нем другим. И если бы кто сказал, что он не из тщеславия хочет объявить сие имя, я усомнился бы: прав ли он. Может быть, не из тщеславия, но с послушанием ли? С рассуждением ли?

Если Вас любят, благодарите Бога за имеющих любовь и за то, что Он дает вам утешение видеть сие. Бойтесь только думать, что Вы заслужили сие. В чадах Божиих любит любовь Божия, а она любит и недостойных, по снисхождению и человеколюбию. Посему не может человек сказать: «Видно я достоин, если меня любят». Нет, милость Божия — то, что тебя любят добрые души; питайся их добротой и любовью и взаимно служи им любовью.

Знает ли Александр Иванович, что дочь его не совсем здорова? Надобно сказать ему, чтобы усерднее приносили память ее к стопам святителя Митрофана. В добрые минуты потихоньку вынимайте из сердца ее углубившиеся помыслы страсти, тогда и в нервы ее приходиться будет тихий свет, и нападающая тьма не обьет их.

*10 апреля 1837 г.,
Санкт-Петербург.*

Мир Вам и обители!

О св. Иоанне Крестителе кто-то хорошо говорит: подлинно чудно, что он из утробы материнской стремился ко Христу и почти всю жизнь провел в разлучении с Ним. Вот покорность судьбам Божиим! Вот поучение о том, как настраивать себя, когда что близкое к нам переходит из видимого в невидимое.

Не в силах удержать отходящего, мы держимся потом за припоминательные образы. Судьба говорит: «Не держись и сего упорно». Спросите, где я слышал, что она так говорит? Ответствую: она говорит не словами, а событиями. Она берет у Вас припоминательные образы и тем проповедует покорность и самоотвержение.

Если так будете понимать вашу потерю или похищение у Вас, то не слишком будете печалиться о потерянном или похищенном.

17 июля 1837 г.

Мир и благословение от Господа Вам
и сподвизающимся с Вами!

Отец Аникита точно преставился. Потеря для иерархии. Но то, что Бог Святой судил, кто разорит? Святейший Синод, взяв о. Аникиту из Ильинского скита на Афоне, исхитил его от чумы, которая потом опустошила сей скит, но в Афины

смерть пришла к нему скорее, нежели Св. Синод успел взять его. Такие случаи напоминают и нам на пользу нашу помнить последняя.

Между тем, здравие Вам и крепость, к созиданию обители и к назиданию душевному.

18 сентября 1837 г.

Молитвами преподобной Мелании Бог да благословит Вам новое лето к обновлению жития и духа по образу Создавшего в правде и преподобии истины!

Желанный Вами образ прп. Мелании доставлен мне из Лавры прп. Сергия, в навечерие дня ее после вечерни, и теперь к Вам препровождается.

В день преподобной Мелании Св. Синодом подписан доклад о преобразовании Спасского общежития в общежительный монастырь. Разумеется, что Св. Синод не выбирал сего дня, но так Бог устроил.

Ныне узнал я, что доклад сей высочайше утвержден. Принесите и приносите благодарные молитвы Богу о Благочестивейшем Государе и супруге его, и наследнике его.

Теперь, если правда, что Вы еще в Москве, позвольте сказать, что монастырским прилично спешить в монастырь.

Господь да утвердит обитель Вашу Своим благословением и благодатью и да соделает ее оби-

тельно мира и спасения приходящим и пребывающим в ней.

3 января 1838 г.,
Санкт-Петербург.

❖ 35 ❖

Христос воскрес!

Благодатная радость Воскресения Его да укрепит надежду Вашу о нашем с Ним совоскресении, тайно в духе начинающемся и светло наконец долженствующем совершиться во всем существе нашем, даже до тела смирения нашего: надежда же сия да будет сильнее страха смерти. Сего и довольно.

Что страх смерти есть, это еще не беда. Видели его и в многоподвизавшихся Отцах. Тем более естественно, что к нам он приходит. Но скажите страху: «Ты прав, если судьба наша должна решиться только правосудием Божиим. Но теперь уже дело в особенном положении: Христос умер и воскрес, чтобы уничтожить страх смерти, чтобы Кровью Своею смыть рукописание грехов наших, чтобы простить нас, верующих в Него, и судить нас судом милосердия, которое сжалится над нами между прочим и потому, что мы боимся своего недостойнства. Итак, страх, я тебя не боюсь; оставайся, если так угодно Богу, при мне, и будь моим стражем от забвения и развлечения; но не мешай мне веровать, любить и уповать».

Если вам нужно лечиться, не отвергайте сего.

Сомневаюсь, чтобы та была лучшая начальница, которая более прочих желает быть начальницей. Не то говорит закон духовный.

Настоятельница и духовная мать в двух лицах, что ни говорите, это не совершенное единство, а соединенное двойство, которое может расколоться неблагоприятным для общества образом. Господь да сохранит от сего.

Бог да благословит и сохранит Вас и всех сущих с вами.*

16 апреля 1838 г.

❖ 36 ❖

Господь да благословит пустыню,
посвященную имени Его,
и труждающихся в ней во имя Его.

Благословляю с Вами Бога, подавшего Вам неожиданную помощь, и благословение Его призываю благотворителю.

А о строении теперь и не знаю, что сказать, не зная, что Вы до сих пор сделали. Готическим вкусом прельщаются Вас едва ли к лучшему. Это архитектурная мода теперешнего времени; а мода скоро проходит. Тогда скажут, может быть: «Смешно, что вкус иностранный, иновременный, неестественный принят за образцовый». Но это не так важно. Важнее то, что от навязываемого

---

* Письма с 35 по 66 опубликованы в журнале «Чтения в Обществе любителей духовного просвещения». 1868. Кн. 5. С. 85–126.

вам готического вкуса строение будет дороже и менее прочно, по причине мелочных и торчащих украшений. По моему мнению, для пустыни хорошо то строение, которое соответствует назначению, дешево и прочно. За сим выбирайте вкус, какой хотите.

Брать в долг на построение подворья — дело очень сомнительное. Надежда на прощение неверна, и не хорошо делать долг с надеждой не платить. По моему мнению, лучше не иметь ни подворья, ни долга, нежели иметь с подворьем тягость и заботу долга. И в Спасской пустыни *не имеем постоянного града* (Евр. 13; 14), а мы еще в городе хотим иметь твердое жилище! Если Бог даст, хорошо; благословен Он. А домогаться сего предлагаемым образом не считаю свойственным пустыне. Уповайте на Бога, на то, что Он даст вам в Москве странноприимца, если и подворья не будет.

*31 августа 1838 г.,
Санкт-Петербург.*

✠ 37 ✠

Именем Господним благословение и мир
преподобной игумении Марии
со всеми подвизающимися в обители!

О Досифее молитесь, но молитесь миром, как велит Церковь, и тогда подастся мир душе взволнованной.

О Марии молитесь и подумайте: кажется, око ее довольно привыкло смотреть в мир и надобно

искусство и труд, чтобы обратить его к безмолвию обители. Помнится, я говорил Вам и прежде, что Москва ей не полезна.

Паки мир вам и спасение.

*3 сентября 1838 г.,
Москва.*

✠ 38 ✠

Безначальному Младенцу да воздадутся хвалы и поклонения ваши в вере и любви с младенческой простотой, и да примет Он их предстательством Пречистой Своей Матери, и да благословит Он вас быть и пребыть непорочными пред Ним.

Не завидуйте тем, которые рано постригаются. Может быть, тем труднее будет управлять.

Радуюсь, что Бог помогает Варваре Ивановне Колесовой входить на путь послушания с отложением всякой посторонней тяжести.

Апостольник, если вникнем в наименование, есть знамение призванных в апостольскую, совершенно Богу посвященную жизнь. Может быть, это было покрывало дев, общежительствовавших при церквах, но не в монастырях, которое, когда сделался более общим образ монашеский, иными удержано, а иными оставлено. По первоначальной форме, это должно быть покрывало, покрывавшее голову и плечи, прорезаемое в одном месте, чтобы можно было свободно дышать, читать и говорить.

Какая теперь полная форма этого покрывала, не знаю, так как видел его только на плечах, но

очевидно, что оно уже не в древней простоте. Из того, что в некоторых монастырях не носят апостольника, нельзя вывести заключения, что его можно или должно носить. Из того, что в других его носят монахини, нельзя вывести заключения, что его можно носить не монахиням. Пример же монахинь, носящих апостольник и за то осуждаемых монахинями, не побуждает к подражанию. И по какому праву будут у Вас одни в камилавке, а другие в апостольнике? Из сего, думаю, Вы увидите, что мысль Ваша об употреблении апостольника не довольно созрела, чтобы можно было исполнить ее с основанием.

Вы говорите, что камилавка дорога. Чудно! Да разве монашеский чин требует бархата и опушки? Напротив, он с трудом снисходит к сему. Чем проще и дешевле камилавка, тем более она монашеская. Если голова не терпит тяжести, делайте камилавку тонкую, как покрывало. Кто сему препятствует?

Впрочем, я рассуждаю, а не требую непременно перемены того, что допустили Вы на случай немощи.

Двум сестрам, связанным дружбой до того, что скорбь от разлучения их жительством простирается до припадков, надобно сказать, что в доме *Отца Небесного обителей много* (Ин. 14; 2), что они не могут требовать от Него помещения в одну небесную обитель, ибо там дается каждому то, что уготовано по вере, делам и предопределению; что человек приносит в будущую жизнь то, что стяжал в настоящей; что, следовательно,

если бы и на небесах их разделили и поместили в разные обители, они со своей частной привязанностью и скорбью друг о друге не могли бы блаженствовать и, следовательно, были бы неспособны для рая. А поэтому надобно благовременно упрямую частную привязанность умерять и подчинять общей любви, кроткой и послушной. С таким и подобным вразумлением надобно чрезмерно связанных дружбой побудить самих постепенно приучить себя благодушно переносить разлучение.

На будущее лето в монастырь ничего особенного постороннего допускать не советую. Не желал бы я и гостиницы на монастырской земле, хотя, может быть, и прельщают Вас выгодой. Если на вашей земле, особенно той, которая не близко к монастырю, есть возвышенное место, где прилично устроить места для зрителей и особенно зрительниц, в сем не вижу неприличия для обители вашей. Так мне думается; а если придет с убеждением другая мысль, постараюсь написать Вам о том вскоре.

Отцу Мефодию незаконным путем пришла ложная скорбь. Из сего надобно вывести наставление, что лучше мирно ждать то, что придет законным путем, особенно монаху.

Об этом примере скорбного помысла, которого вскоре надобно постыдиться: зачем мы его имели и им напрасно осуждали другого, — можно поразмышлять и Вам. Когда мы смиренны, то для нас довольно, если другие к нам расположены, хотя бы по чьей-нибудь милости, а не по од-

ному нашему достоинству. Если имеем доброе мнение о ближнем, то охотнее думаем, что он благоволит к нам ради любви к Богу, а не ради какого-либо человеческого посредства. Впрочем, сие говорю не против Вас, а в помощь Вам против помыслов.

30 декабря 1838 г.

❖ 39 ❖

Христос воскрес!

Вера и любовь к Воскресшему да будут Вам, настоятельница и сестрам, путем приближения к чину мирносиц, да и вам изречется Господнее: «радуйтесь», — полное, святое, неотъемлемое.

Радуйтесь, и я сорадуюсь, что начинаете иметь монахинь; и да умножатся.

Если Вам угодно, сказываю, что дела Ваши мне не наскучили. А если в них иногда встречаются трудности, о том и Вас прошу не скучать, если нельзя миновать их. Но не излишне предусматривать трудности и проявлять предосторожность. Принимая слишком много людей, не подвергаете ли Вы сами себя трудности в том, что касается достаточного надзора за ними и руководства, и удовлетворительного содержания? Почитаю нужным обратить на это Ваше внимание.

*1 апреля 1839 г.,
Санкт-Петербург.*

❖ 40 ❖

Благословение и утешение от Господа.

Есть благой и благодетельный чин в делах судеб Господних. Призывая Вас к любви небесной, Господь постепенно взял от Вас предметы земной, хотя, впрочем, и непорочной любви. Оставалась подле Вас душа, которая разделяла с Вами память этой любви, и было дано Вам время привыкать к лишениям. Он взял, наконец, и ее. Отдайте Ему и сей залог с миром, с молитвой и надеждой. Теперь Ваше чадо и Ваша подруга — Спасская обитель. Примите утешение и храните Ваш покой для ее мира и утешения.

Суровой пищи, жесткого ложа и подобного сему Господь не требует от Вашей немощи, но — тихой молитвы, любви, попечения о сестрах и сохранения Вашего здоровья для исполнения Ваших обязанностей. Снисхождение к строптивым — дело иное; вот это хорошо вместо жесткого ложа.

Мир Вам и сущим с Вами.

*18 января 1840 г.,
Санкт-Петербург.*

❖ 41 ❖

Благословение и мир от Господа.

Слышу, что Вы в Москве, а Варвару Ивановну останавливаете в Петербурге. Что сие значит? Не хотите ли непременно взять арендные деньги? На сей случай скажу Вам, что если я узнаю о сем предприятии Вашем, то постараюсь остановить

его, и дать Вам время еще раз обдумать Ваше намерение. Вычет процентов за 16 лет похитит у Вас около половины капитала. Взяв остальное, Вы мало сделаете прочного для монастыря, а многого лишите себя и монастырь. По моему мнению, Вам не должно брать вдруг арендных денег, а должно получать ежегодно, и часть издерживать, а часть обращать в состав капитала для монастыря. На случай же кончины Вашей нужно написать всеподданнейшее письмо, чтобы дарованное Вам предоставлено было монастырю в остальные годы.

А колокольню строить? Не Вавилонский столп надобно Вам строить; можно построить по времени; не беда, если и долго не построится. Но есть способ и вскоре построить небольшое здание, ибо сбор по книге простирается уже до 20000 рублей. Чтобы монастырь лучше помнил обязанность молиться за благодетелей, надобно из этой суммы, если не половину, то непременно 5000 рублей обратить в постоянный капитал в пользу монастыря. Прочее останется в вашем распоряжении, на настоящие потребности обители, особенно строительные.

Священник Петр Никифоров — скромный и воздержанный человек, и годился бы вам для богослужения. Но как его устроить у вас? Где будет жить? Чем? Что значит сдать место? Правила церковные обязывают нас избирать достойных, а не входить в торговые сделки.

Соглашаясь на принятие тульской монахини, Вы поступили по Вашему человеколюбию, а я, отказывая, поступил по долгу справедливости. Ваш

монастырь уже обременен многолюдством. И справедливо ли допускать чужих занимать штатные монашеские места и тем заграждать путь некоторым из потрудившихся в вашей обители? Хорошо, что, разрешая дело, не знал я о ходатайствующих и не имел скорбной мысли о том, что не исполняю желания многих добрых душ.

Когда Варвара Ивановна сказала мне, что Вы на нее гневаетесь, и показала Ваше письмо, я истолковал ей его и показал, что оно написано не от гнева, но от любви. Она успокоилась. Но в одном из Ваших писем и мне видится, что Вы несколько нетерпеливо говорите о ее борьбе. Она чувствует неправильность своего немирного расположения и скорбит о том, но еще не находит сил победить искушение. Не осуждайте ее, а помогайте ей словом назидания и любви и молитвой.

Мир Вам и обители.

*9 марта 1840 г.,
Санкт-Петербург.*

Божие благословение и мир
игумении и сестрам обители!

Если правда, что место для колокольни дано не совсем согласное с Вашим назначением, перестаньте об этом думать. Лучшее — то, чтобы она была построена и чтобы кончилась забота. Есть что созидать более нужное, и прочное, и высокое: *сами созидайтесь в храм духовный* (1 Пет. 2; 5), как советует ученик Великого Зодчего; созидайте

друг друга благим разумом, любовью и взаимно добрыми примерами.

30 июля 1840 г.,
Москва.

✿ 43 ✿

Мир Вам и обители!

Крестному ходу почему не быть так же, как бывал прежде? Пусть он начнется из Бородина с молебным пением; перед образом Спасителя на памятнике пусть прочитают Евангелие и молитву «Спаси, Боже, люди Твоя», с осенением крестом; потом с окончанием молебного пения пусть придут в обитель к Литургии.

С сестрой Елизаветой мы беседовали об избрании у вас казначея. Она дивится, что некоторые желают сего послушания. Если подлинно желают, то дивлюсь и я. Отказываться от послушания было бы неправильно, а желать — более неправильно. Выбирать надобно не желающих, а знающих дело и имеющих силу понести труды и немощи немощных.

Господь да управит общество ваше духом смирения и любви.

21 августа 1840 г.,
Москва.

✿ 44 ✿

Благословен Бог. Благословенно сердце Царевы. Благословен возлюбленный первенец его, и

избранная им в спутницы жизни да будет сонаследницей благословений.

Я рад, что Вы избраны быть при Миропомазании принцессы. При помощи Божией она будет в Вас иметь подле себя душу молящуюся, чувствующую нежность веры, чистоту Православия и святость Таинства. Бог поможет Вам возвестить в сердце ее слова мира, любви и утешения. Хорошо, что и Вы получаете новое побуждение молиться с любовью о возлюбленном Царском семействе. Подвиг надобен, а молиться с любовью есть легчайший и приятнейший из подвигов.

На Ваш вопрос: «Что отвечать?» — я не хотел бы отвечать, потому что так же, как Вы, не желаю быть виною отказа. Но думаю, что Вам свойственнее избрать один из домов, где есть церковь; и из сих один, кажется, несколько более дружок походит на монастырь.

Господь да наставит Вас и да управит пути Ваши.

Мир обители Вашей и подвизающимся в ней.
21 октября 1840 г.,
Москва.

✿ 45 ✿

Бог Слово да речет мир на люди Своя,
и на обращающие сердца к Нему, в них же
и душу рабы Его Марии да покроет мир!

Но для чего призываем мир? Почему Сам Господь повелевает призывать его? Без сомнения, или потому, что имеем в нем недостаток, или несо-

вершенно им обладаем, или обладаем не без опасности нарушения и утраты его. Так бывает со всем во времени: неизменное, ненарушимое, безопасное принадлежит вечности.

Посему неудивительно, что состояния души изменяются, и притом иногда так, что трудно дать себе отчет в причинах происшедшей перемены. Не только естественные состояния переходят из одного вида в другой, но и благодатные восходят по дару Божию и нисходят по устроению Божию, да смиряется человек.

Итак, должно не слишком тревожиться вследствие перемен, но рассматривать, во-первых, не от нашей ли небрежности или неверности произошла перемена лучшего в худшее, дабы поспешить нашу небрежность или неверность очистить покаянием и исправить; во-вторых, каким образом в постигшем нас состоянии мы можем соответствовать намерениям Провидения и худшее обратить в средство к лучшему.

В мире и утешении да приносим жертву прославления и благодарности Богу, даровавшему их; в скорби и лишении да приносим Ему жертву терпения, преданности судьбам Его. Скажем лучше душе нашей унывающей: *почему ты прискорбна, душа моя! Уповай на Бога* (Пс. 41; 12); а беспечной напомним заповедь: *служите Господу со страхом* (Пс. 2; 11); укажем ей и на бесплодную смоковницу (см. Мф. 21; 19). Но, дабы вместо побуждения к плодоношению не была бы она погублена ужасом, вспомним и Благого Делателя, окапывающего и удобряющего (см. Лк. 13; 8).

Благословение Вам и сущим с Вами от Господа на радость праздника праздников.

Христос воскрес!

5 марта 1841 г.,
Санкт-Петербург.

Мир душе рабы Божией Марии,
несмотря на приражающиеся волны смущения
от нерадящих о мире!

Смотрите спокойно на людей, которые не видят, что творят, произнося немирные слова и, следовательно, лишая мира самих себя прежде, нежели нарушать его в других. Я сказал бы: смотрите на них с сожалением, если бы не опасался того, чтобы тут не вкралось осуждение ближнего.

Бывало, искали достоинства в том, чтобы говорить мягко, а теперь ищут в том, чтобы говорить резко, и потому говорят иногда хуже, нежели думают.

Если за благотворительное дело надобно заплатить терпением неприятных слов, пусть Вас не затрудняет чистая уплата. Хорошо, что надобно платить такой монетой, которую не нужно занимать в долг.

Берегитесь чувства досады. *Гнев мужа правды Божией не соделывает* (Иак. 1; 20). Не расстраивайтесь за то, что другие неблагоустроены.

Болящим вашим здравствовать желаю, а Евфросинии — не думать о начальстве, дабы или в

послушании мирствовать, или, если призовет Господь, начальствовать не по страсти.

Мир всем вам.

10 ноября 1841 г.

✠ 47 ✠

Преподобной игумении Марии с подвизающимися с тобой в единой ограде, особенно же в единении духа и сердца, именем Господним благословение, мир и спасение!

Дело Алаторской монахини препровождено в Консисторию. Не знаю, что она скажет, и не знаю, что делать с тем, что ваша тесная обитель все более наполняется. Где вы помещаетесь? В этом отношении, может быть, не худо было бы, чтобы рой отроился от вас в Полоцкий монастырь. Но может быть, там мед более нужен, нежели пчелы. Устроение монастыря там в ходу; в способах, кажется, есть недостаток; но в людях, видно, недостатка нет.

Нас ради Пострадавшего и Воскресшего молью, да путем спасительного созерцания страстей Его введет вас в полную радость Воскресения Своего.

*11 апреля 1842 г.,
Санкт-Петербург.*

✠ 48 ✠

Преподобной игумении Марии благодать и мир от Господа, и сподвизающимся с тобой.

О Евфросинии написано уже, думаю, к вам из Консистории. Она была сейчас уже у меня, и говорит, что здоровье не препятствует ей отправиться. Когда она сказала мне, что ей со стороны Полоцких предложено было отказаться, то мне представился вопрос: будет ли ее служение удобно и полезно, тогда как оно и при лучших обстоятельствах должно быть не без трудностей? Я не скрыл от нее сих мыслей и отдал ей их на размышление. Она говорила, между прочим, что ей неудобно отказаться, потому что дело оглашено. Мне кажется, что это не столько ощущение неудобства, сколько склонность принять призыв. Впрочем, я почитаю долгом не останавливать дела, начатого без меня, и желаю, чтобы сколько можно полезнейшим образом исполнилось желание N, пекущегося об утверждении и расширении православия в сем крае.

Пригласить с собою Евфросинию может, без сомнения, только желающих по согласию Вашему на их увольнение, а братъ, кого хочет, не спрашивая согласия, было бы и несправедливо, и бесполезно.

Радуюсь, что у вас мирно. Да сохранит вам Господь сие сокровище; и Вы стерегите его и не допускайте покушающихся похитить.

Иной хочет в Полоцк, иной в Воскресенск. А иной спрашивает, нельзя ли поискать мира ближе, нежели за несколько сот верст.

Мир паки всем вам; и болящим облегчение да подается.

22 августа 1842 г.

Преподобной игумении Марии —
о Господе радоваться!

Благодать Господня да покрывает Вас и обитель Вашу.

Благо искать мира в помышлении о небесном и о ничтожности земного. Впрочем, земными потребностями нельзя пренебрегать тем, кто должен заботиться о братии. То, что для неба, да делаем как дело, а то, что нужно для земли, — как поделье, и не столько для себя, сколько для братии.

Покров Господень Вас да покрывает всегда.
5 октября 1842 г.,
Москва.

Радуюсь, что Господь принял служение Ваше и удалявшегося приблизил к Себе.

Мария говорит, что одиннадцать лет она бежит из Хотькова и все туда возвращается как бы неведомой силой. Может быть, и действительно неведомой силой, может быть, в сем преломлении воли есть благо, которого она не нашла бы в поэтическом полете из монастыря в монастырь.

Пока не гоню ее из вашей обители, а о том, остаться ли ей у вас, надобно немало рассуждать.

Возвращаю вашу книжку. Это священная история под именем истории Иерусалима. Сочинитель не без веры, но смешивает с нею модный теперь романтизм. Хорошо ли книги Исход, Левит, Числа и Второзаконие называть еврейской одис-

сеей? Хорошо ли говорить о народе еврейском: «От великолепной и гигантской эпопеи Иеговы он перешел к скудной комедии таинственных лжецов, заключенных в темных пещерах?» Это буквальный перевод из вашей книги. Мне кажется, для монастырей можно найти чтение лучше сего.

Мир и здравие Вам и странноприимцам Вашим.

21 ноября 1842 г.

Преподобной игумении Марии,
и сподвигающимся с тобой —
о Господе радоваться.

Благодарю вместе с вами Бога за то, что Вы благополучно возвратились и что помощница Ваша получила облегчение в болезни. Помощь Господня да не оставит вас всех и во всем благопотребном, и особенно во спасении душ.

Возвращаю письма из Полоцка. Странно, что ваших там не получают. Не медлит ли кто-нибудь отдавать их, чтобы сильнее действовать к удержанию Паллади, не имеющей опоры? Или грех так думать? Судя по письмам, много там развлечений от посещений, может быть, для утешения приходящих. Да найдут они делание благое дома. Паллади, думаю, лучше возвратиться.

Софье Ивановне благословение Божие призывал и призываю; и образ ей в благословение посылаю, не состязаясь с нею за то, что не посетила меня, когда была в Москве.

Не о ее ли бабушке сказание читал я? Если так, то доброе от нее благословение и наставление дано внучке.

Вашей гостье Марии все указывает на возвращение в Хотьков, кроме ее собственных мыслей и желаний, которые Господь хочет покорить Своей воле и Своей неисповедимой премудрости. Увидим, как далее явится путь Господень, который чаще всего не такой, как пути человеческие.

Мир всем вам. Вифлеемский Младенец, Отец будущего века (Ис. 63; 16), да благословит вас благословением временным и вечным, да будете, как дети, в непорочности, простоте и любви на земле, и совершенные наконец чада Его на небесах.

18 декабря 1842 г.

✻ 52 ✻

Воистину воскрес Христос!

Радуйтесь, сестра, о Господе, как повелел Сам воскресший Господь, и никто да не отнимет радости Вашей, и ничто да не принудит Вас поступить вопреки повелению Господа. Не для того ли перенес Он все страдания, чтобы никакие наши скорби не были непереносимы? Не для того ли умер и воскрес, чтобы Ему быть нашей надеждой в смерти и жизнью по смерти, чтобы нам удобно было не страшиться смерти и не скорбеть об умерших?

Мир душе девы Екатерины. Она совершила свой подвиг с верой и терпением, Вы совершили

служение любви. Молитесь о ней в мире, и она о Вас да молится в мире.

Невидение телесное не должно считаться важным недостатком. Оно не пресекает невидимого общения веры и любви.

В прошедшем служении любви польза, без сомнения, есть и в благопокорности судьбе Божией польза будет.

Благодать и мир со всеми вами да пребывает.

25 апреля 1843 г.

✻ 53 ✻

От Господа благословение рабе Его Марии
во облегчение, мир и здравие!

Вы так поступаете, как бы были здоровы и заботились о больном. Правда, что мы были очень озабочены первым известием, но имели уже и другие, которые, умерили заботу сострадания и увеличили надежду на то, что Господь, посетивший Вас испытанием терпения, поддержит Вас и восставит.

Не нужно было трудить правую руку, чтобы не увеличить труд левой. Тавифа могла пересказать то, что Вы написали. Видеть письмо Ваше полезно мне только для того, чтобы в твердости почерка приметить сохранение части силы и покоя, подающее надежду полного восстановления.

Прошу Вас всевозможно сохранять спокойствие духа. Это врачевство, которое Вы всегда можете давать сами себе и которое важно не менее внешних врачебных средств и для тела, и намного более для души.

Я знал человека, который, сделавшись болен, говорил себе: «Теперь Господь не требует от тебя ни усилий, которые, может быть, ты употребил бы не вполне или неверно, или не к делу, ни дел, за которые тебе надлежало бы отвечать, но требует, чтобы ты просто и послушно принимал то, что Он творит с тобою». И таким образом имел в болезни мир более чем в здоровом состоянии.

Господь да поможет Вам перенести болезнь с миром и с пользой, ибо все Он посылает на пользу.

Мир Вам и сущим с Вами, и обители Вашей.
17 июля 1843 г.

✿ 54 ✿

Благословение и мир от Господа преподобной игумении Марии, сестрам и обители!

Мне сказали, что Вы спрашивали: взять ли из сохраненной казны деньги на построение келий? Вопрос, не легко разрешимый. Вам было сказано, что при средствах, которые существуют на несколько лет и должны прекратиться, надлежит составить капитал, сколько-нибудь обеспечивающий содержание обители на будущее время. А между тем советовано Вам было не умножать числа сестер свыше имеющихся у Вас возможностей в плане помещения и продовольствия.

Капитал до сих пор сбережен малый. Число сестер, как слышу, доходит до ста тридцати. По сему ходу дел надлежит опасаться, что, взяв капитал и

построив кельи, Вы еще увеличите число живущих, уничтожив и малое прежде сбереженное обеспечение для будущего. Надобно, хотя и неприятно, по долгу предосторожности подумать, как бы не случилось, что чем более людей собирате Вы при себе, тем более останется после беспомощных, которые оставят обитель, ища хлеба, и не скоро найдут другую.

Я представляю Вам мысленный взгляд на сумрачное будущее, чтобы оно не представилось взгляду на самом деле, но чтобы при помощи Божией все согласовать и приготовить светлый вид для грядущих дней. Не худо было бы, чтобы Вы рассмотрели мои сомнения и написали мне, как их разрешаете. Без того я не знаю, что сказать Вам решительно.

Прошу терпения для первой части сего письма. Лучше некоторый спор для прочного мира, нежели под видом мира беспечное равнодушие и отвержение предосторожности.

*10 декабря 1843 г.,
Москва.*

✿ 55 ✿

Преподобной игумении Марии —
о Господе радоваться!

Прочитав еще раз письмо Ваше и видя, что Вы обещаете не шить золотом, неизлишним нахожу напомнить Вам, что я сего не требовал решительно, а только обращал Ваше внимание на не-

удобства, которые могут встретиться по причине преобладания работ роскошных. Шейте золотом, если это нужно и полезно обители, но поддерживайте и простые нужные работы и рукоделия, и готовность обратиться от изящного и великолепного к простому и необходимому, когда обстоятельства сего потребуют.

Желаю Вам и сущим с Вами Младенцу Господу Иисусу поклониться в младенческой простоте сердца и преданности веры и любви.

15 декабря 1843 г.

✿ 56 ✿

Воистину воскрес Христос!

Радуйтесь о Господе воскресшем с мироносцами, принося Ему вместо мира молитву, благоухающую именем Его, *ибо миро изливанное имя Его* (Песн. 1; 2). Господь да благословит миром и радостью Вас и подвизающихся с Вами.

Радость земная проникнута печалью, потому что душа сокровенно чувствует неудовлетворительность земного и потребность лучшего. Печаль о Господе проникнута радостью, потому что душа предчувствует то, что сказано апостолом: *печаль по Богу спасение соделывает* (2 Кор. 7; 10).

Да взыщем радости, в которой бы не скрывалось жало печали. Да не страшимся и печали, которая в радость будет.

3 апреля 1844 г.

✿ 57 ✿

Преподобной игумении Марии —
благословение и мир!

Вы уже знаете, что разрешено то, что Вы сделали без разрешения. Итак, видите, что нет беды в том, что делается в духе братолюбия. Оно не мешает управлять и не изгоняет рассуждения. Отставим от начальства страсть и свою волю; и братолюбие пусть управляет, и рассуждение да будет ему помощником.

10 мая 1844 г.

✿ 58 ✿

Благословение Вам и мир!

Вы так сильно оправдываетесь против моего письма, что оно может оказаться виноватым. О ваших долгах, если я слышал, то забыл, и потому не имел о них мысли. А в том нет спора, что долги платить надобно и что сия нужда сильнее многих других. Но Вы не оправдываетесь в том, что составляло всю силу моего спора, — в том, что Вы приняли слишком много людей, и оттого едва достает средств для настоящего, и год похищает все, из чего надлежало бы нечто сберечь для многолетних нужд и для обеспечения лет будущих.

Вы построили трапезу, а теперь хотите строить другую, вероятно, потому же, что для умножившегося числа людей та сделалась тесной. Не понадобится ли через несколько лет построить

третью? Какие средства для сего достаточны? И как не говорить о бережливости при ваших ограниченных средствах? Вот в чем нужнее было Вам себя оправдать, а меня вразумить. Впрочем, я не сужу и не осуждаю, а забочусь о том, чтобы достигнуть чего-нибудь успокоительного для меня и для Вас.

Длинный двор между строением и каменной стеной в четыре аршина* ширины едва ли годится на что-нибудь. Ни ветер, ни солнце не будет осушать его, а снег, вероятно, заносить будет так, что вам трудно будет отворять двери на двор. Не лучше ли вместо двора устроить коридор, а чтобы дать место двору, урезать конец предполагаемого здания.

Одноэтажное здание, трапеза и кухня будет стоить 20 тысяч рублей. Чего же должно стоить помещение для множества сестер ваших, живущих, конечно, очень тесно, в ветшающих деревянных зданиях? Не выгоднее ли было бы над теми же стенами, под той же кровлей устроить небольшой второй этаж для помещения сестер?

На что вам колокола? Прежде жаловались, что нет колокольни, теперь, видно, скучно ходить на нее. Опустите от колокола на землю веревку: это дешевле, нежели употребить 1200 рублей на покупку новых колоколов.

Мир всем вам.

21 декабря 1844 г.

* Аршин равен 71,12 см.

Преподобной игумении Марии и подвизающимся с тобою — благословение и мир, во благоугождение воле Божией, всегда благой и совершенной, в забвение своей воли, не всегда благой и всегда несовершенной.

Сорадуюсь вашей радости при созерцании Богоявления. Явившаяся миру благодать Божия, спасительная всем человекам, да является спасительно уму вашему, и сердцу, и жизни. Да славим Прославленного на Иордане гласом Отчим, да смиримся пред Смирившимся на Иордане под руку раба. Да возлюбим ради Того Прославившегося и ради Того Смирившегося, да явит нам Свою любовь.

Обратимся к делам нашего смиренного служения.

Если признаем себя несведущими, на что простираться в отдаленные отношения? Не проще ли обращаться к своим, нежели к чужим? Не легче ли домашнее вразумление незнания и исправление погрешности, нежели гласное указание незаконности, которое делается издали? На что предполагать недоброжелательность в деле, неудача которого просто объясняется несоблюдением заданного порядка.

Дело, испорченное между прочим просрочкой паспорта, выгащено на дороге. Но вам надлежит рассуждать: стоит ли оно стольких усилий. Удаление из Горицкой обители в обитель несуществующую, разногласие с монахиней, ради которой по-

слушница оставила обитель, — это не такие черты, которые были бы для Вас ручательством и обнадеживали при принятии послушницы.

Нередко слышу о ваших, странствующих по Москве. Не надобно ли Вам обратить на это внимание? Не надобно ли употребить Вам более твердости, хотя и не всем приятной, вместо снисхождения, которое подвергает вверенных Вам опасности преткновения, а Вас — ответственности за неохранение? Не надобно ли вспомнить отеческое слово, что монахи вне келий, а особенно вне монастыря, как рыбы вне воды, скоро умирают.

Спасайтесь и пекитесь о спасении вверенных Вам.

12 января 1845 г.

Именем Господним благословение
преподобной игумении Марии
с сестрами единокровия и дочерьми послушания!

Постившийся сорок дней, чтобы исправить наше невоздержание, и совершенным подвигом Победивший всякое искушение, дабы приобрести нам силу к побеждению искушений, да укрепит вас на подвиг поста к очищению душ и телес, да очищенными сердцами и устами причаститесь Пречистого, да вкусите сладость скорби в страдании Его и непреходящую радость в Воскресении Его.

От Софьи Ивановны получил я письмо. Желаю, чтобы ее не смущали, как она жалуется,

обстоятельства, но или были благоприятны, или не могли бы поколебать духа, утвержденного в спокойной преданности воле Божией. Что наши желания не исполняются — это иногда не хуже, а лучше.

Мир всем вам.

25 февраля 1845 г.

Божие благословение настоятельнице
и обители.

Дающий молитву молящемуся, уповаю, не отнимет у Вас молитвы. А опыт говорит, что после молвы трудно сообщить сестрам, чтобы любили ограду обители и остерегались молвы внешней.

От немощного тела не требуйте много, чтобы оно не изнемогло больше, но оказывайте ему снисхождение для сохранения его силы, дабы, как говорит св. Максим, иметь в нем соратника в служении лучшему.

О форме ведомостей, посланных ко мне, забота пустая, но заботьтесь о правильной форме того, что должно идти к высшему или светскому начальству. Сие сказало к слову, но примите это не как случайное, но как нужное предостерегающее замечание.

Для чего вострепетали Вы 23 февраля от мысли умереть 14 июня, когда без всякого предварения знали, что могли умереть в тот же день, 23 февраля? *Если живем — для Господа живем; если*

умираем — для Господа умираем (Рим. 14; 8), скоро или нескоро, предвиденно или непредвиденно. Впрочем, если мысль с 14 июня напоминает Вам о приготовлении к великому пути, пользуйтесь сим напоминанием, уготовляя себя очищением, верою, молитвою, любовью.

Сон еще не пророк; о пророке учит пророк Иеремия: *когда приходит слово, познают пророка* (Иер. 28; 9), т. е. когда придет срок предсказания и оно исполнится, тогда только, а не прежде, можно знать, что это подлинно пророк и предсказание. Итак, пользуйтесь напоминанием к полезному, которое хорошо, как бы ни пришло, но не связывайте и не смущайте себя мыслью о дне и часе, неведомом и после напоминания о нем.

О представлении некоторых сестер к пострижению, думаю, Вам предписано. Представляйте с нужными сведениями. Что разумеете Вы, говоря, что Вы хотите остаться при прежнем звании? Попечительницы? Сего звания при монастыре уже нет. Настоятельница общежития? Спасского общежития, по воле Вашей, а не моей, уже нет; есть Спасский монастырь, в котором должна быть не просто настоятельница, а игумения. При звании светском? Чудно, что когда Вы не могли быть в духовном звании официально, тогда хотели принадлежать к нему хотя бы сокровенно, с затруднением для Вас и для тех, которые взирали более на доброе желание, нежели на затруднительные последствия; а теперь, когда место, Вами созданное, в котором Вы начальствуете,

по желанию Вашему сделалось духовным, Вы останавливаетесь на пути к духовному званию и хотите остаться при пострижении, известном Богу, которое, однако же, Вы сами сделали известным всем.

Вам нужна аренда для пользы обители. Справедливо, уважаю это. Но для этой цели надлежало Вам оставаться начальницей Спасского общежития и не домогаться иного вида общества и начальства. Теперь лишить Вас начальства было бы обидно для Вас и вредно для места; но сохранить Вам начальство не иначе можно, как преобразованием его прямо в духовное. Думаю, Вы слышали от меня, как при учреждении монастыря княгиней Мещерской, она должна была сделаться игуменией, тогда как хотела быть только монахиней. Вы должны были видеть в этом Вашу историю, когда захотели учредить монастырь. Сей один способ знал я для благоустройства Борисоглебского монастыря, сей один знаю и для вашего. Если Вы знаете другой, не менее надежный, научите меня. Ваше влияние на сестер не должно быть устранено. Если же будет другая игумения, будет два начала, более или менее затрудняемые одно другим.

Впрочем, я отнюдь не хочу, чтобы была моя воля, но да будет воля Божия, да будет благопотребное к созиданию обители, и душа Ваша да изберет то, что к миру ее. Рассуждайте еще, если угодно, и пишите ко мне о том, что найдете лучшим.

Божией милостью и благодатью мир
душе игумении Марии!

Что нет постоянства в состоянии душевном, конечно, это не есть порядок и совершенство. Но вспомните, что постоянное и неизменное — на небесах, а мы живем в мире перемен и сами подвержены переменам, чему и нужно быть для того, чтобы мы могли измениться к лучшему. Итак, будем, насколько можем, стараться изменять себя к лучшему; а невольные изменения без нетерпения и тревоги, что не было бы полезно, станем переносить, призывая непрестанно помощь свыше.

Благо, когда можем служить Богу с внутренним жаром и услаждением. Подвиг становится нетрудным, потому что сам себя награждает. Но если, несмотря на невольную холодность, с миром и твердостью продолжаем служение Богу, не благо ли и сие? Призрит Господь на неуслаждаемый подвиг и не лишит его награды, теперь скрываемой.

Не сами ли Вы мешаєте устроению внутреннему внешней заботой? *Возверзи на Господа печаль твою* (Пс. 54; 23).

Не сравнивайте вашего монастыря со Спасо-Евфросиниевским, чтобы не прокралась мысль зависти, чтобы не утратился помысл смирения. Спросите себя: можно ли требовать для игумении Марии того, что делают для преподобной Евфросинии? Ответ, кажется, не труден. В Полоцке чтут память святой, восстанавливают древнюю славу православия, утешают недавно воссоединенных с

православием. Вы не имеете подобных прав на щедрость правительства. Вам могут сказать, что Вас не просили построить монастырь, а сделали Вам одолжение и тем, что дозволили. Можете возразить, что и Ваше место важно. Это правда; и если бы оно заговорило о своих правах, я слушал бы с благоговением и не стал бы оспаривать его прав. Но Вам должен сказать, что Вы не имеете от него полной доверенности на представление прав его правительству, которое само знает их.

Для чего Вам усиленно желать большой церкви? Имеете где молиться и принять освящение? Следовательно, потребность вашего братства удовлетворена. Посторонним Вы ничем не обязаны. Правила древние и новые говорят, что чем менее монастырь, особенно женский, соприкасается с мирскими людьми, тем лучше.

Что принесло бы Вам предприятие построить большой храм? Труд построения и потом тягость содержания. А что новое приобрели бы Вы для Вашего душевного спасения?

Слишком ли близко будет предполагаемое здание трапезы к церкви, о сем не могу судить, не имея в виду плана. Но если и близко, что за беда? Это не трапеза пиров, а трапеза принимающих пищу с молитвой, благоговением, благодарением Богу и растворяющих телесную пищу духовной пищей душеполезного чтения. Не многих забот заслуживают наружные благовидности.

Не надобно засматриваться на живущих в жилищах благолепных и великолепных, надобно чаще вглядываться на живших в пещерах и в хи-

жинах. Пусть будут, какие случатся, рукотворенные храмины, забота должна быть о том, чтобы в них обрелись помещенными нерукотворенные храмы Божии. В сей заботе желаю Вам совершенного успеха.

14 марта 1845 г.

Преподобной игуменнии Марии —
о Господе радоваться!

Не желать ничего, кроме спасения, хорошо, и желаю, чтобы сие состояние было Вашим. Но себе ли только желаете Вы спасения или и ближним? Надеюсь, что и ближним. И желание спасения себе не достигнет исполнения, если откажемся от желания спасения ближним. А если желаем спасения ближним, то имеем нужду позаботиться об их мире, особенно о тех из них, которые особенным устроением Божиим поручены нашему попечению. Итак, не говорите: «Не хочу думать о деле строения». Не думайте о нем по желанию, но думайте по обязанности. Потому что дело сие нужно для успокоения сестер вашей обители.

Прежде Вы хотели заботиться о многом, а теперь не хотите ни о чем. На что сей переход из крайности в крайность? Надобно стараться идти твердым и спокойным шагом по царскому пути. Прежде Вы надеялись много, теперь совсем теряете надежду. Не было ли в прежнем расположении несколько самонадеянности? Нет ли ее в теперешнем осуждении ближних, которые не со-

ответствовали нашей надежде? Желаю, — а Вы остерегитесь, — чтобы ни того, ни другого не было.

Пользуйтесь тем, что происходит не по желанию, чтобы упражняться в терпении. Если бы все было по желанию, как же приобрели бы мы добродетель терпения?

План храма и других зданий смотрел я сейчас. Хорошо. Довольно, что построили в воображении, если еще не дадут построить на земле. Первое построение дешевле. Но второе преходяще, как первое. Молитесь прилежно в малом храме, и будете иметь великий или на земле, или на небесах.

Возвращаю письмо. То, что пишут, мне уже известно в продолжение нескольких месяцев. Пусть потрудятся искать тайны в простом деле человеколюбия, если то находят нужным. Когда я соглашался послать монахов в Грузию, я говорил наместнику, что случай сей может быть перетолкован. Это уже не первый случай, когда я доверяю людям, не желая уступить своей недоверчивости, которая была бы в тягость другим. Воля Господня да будет.

Мир Вам и сущим с Вами.

2 мая 1845 г.

Мир Господень, превосходящий всякий ум, да соблюдает сердце Ваше и разумение Ваше; сердце — в преданности воле Его, разумение — в послушании веры.

На бездействие ума, может быть, не слишком нужно жаловаться. Пусть он молчит и слушает, как сердце взывает к Богу, сердце да дает и уму движение к Богу.

Если сердце не умягчается пред Богом, Отцы велят испытывать себя: не препятствует ли сему вкравшийся жестокий помысл, например, сомнения или неправильной заботы о чем-либо земном. Надо всячески отвергнуть его и повергнуть себя перед Богом, забывая себя и свое, с единым желанием служить Ему.

И при продолжающейся хладности сердца держать себя пред очами Господа и ждать, как Вы говорите, есть положение духа правильное, по учению святых. *Терпя потерпех Господа и внят ми, и услыша молитву мою.* Если это перевести ближе к подлиннику и вместе — к нашему просторечию, то надобно сказать: «Ждал, ждал я Господа, и Он обратил на меня внимание и услышал молитву мою». Ждите и Вы Господа, и вонмет Вам, и услышит молитву Вашу.

Мир Вам и всем вашим.

18 августа 1845 г.

✠ 65 ✠

Преподобной игумении Марии

Божие благословение и мир, также и сестрам.

Что начато как дело веры, то так и продолжать надобно. Если дело начато с несовершенствами, надобно у Источника совершенств просить усовершенания его без надежды на себя, с надеждой

на благодать Божию, которая благоволила делу начаться и расти. Но надобно употребить попечительность и предусмотрительность, какая с нашей стороны возможна.

6 октября 1845 г.

✠ 66 ✠

Мир Вам!

Возвращаю письмо. Да спасет Господь писавшего, дав ему смиренное покаяние. Он исповедует свои страдания, а не погрешности. Он уже видит и проповедует первое воскресение, а Отцы наши любили проповедовать очищение от страстей и грехов, не дерзая касаться тайн и судеб. Он щедро преподает учение после того, как Церковь взяла у него власть учить и поставила его на месте кающихся. Простите меня за сии замечания. Желайте ему блага, но оставьте его идти своим путем. Вы имеете царский путь, церковный и отеческий.

17 января 1846 г.

✠ 67 ✠

Преподобной игумении Марии
благословение и мир!

То, что Вы мне писали перед сим точнее пересказывает сестра Ваша, бывшая в Петербурге. Требуют формального представления плана. Если хотите, я это сделаю, но для сего надобно формальное представление от Вас, с приложением

плана и формального свидетельства архитектора о том, какое препятствие встретилось со стороны грунта для произведения строения по прежде утвержденному плану. Но не ручаюсь Вам за скорость, которую Вам обещают.

Если же хотите строить по утвержденному уже плану, то поговорите с архитектором, нельзя ли устроить и подвал, но так, чтобы не углубляться в землю, а поднять выше стены подвала. Наместник мой говорит, что так же устроен подвал в Одигитриево, и с успехом, хотя и на земле болотной.

Вы знаете, что я предпочтительно советовал строить двухэтажное здание. Но это было тогда, когда дело не было запутано. Теперь, при запутанности дела, трудно сказать, что лучше. И я не могу сказать того, в чем не чувствую убеждения.

Одно могу сказать твердо: не останавливайтесь на мысли о том, чтобы не затруднять меня представлением. Мое назначение — служить пользе порученных мне, без затруднения или с затруднением, только без нарушения закона и порядка.

Да хранит Господь Вас и обитель Вашу.*

16 июня 1846 г.

---

* Письма с 67 по 77 опубликованы в журнале «Чтения в Обществе любителей духовного просвещения». 1868. Кн. 5. С. 126–135.

Божие благословение и мир
преподобной игумении Марии
и подвизающимся с тобою!

Состражду скорби Вашей о полях ваших. Да запретит Господь червю потреблять злак, созданный на службу человекам и во уготовление хлеба для них.

Здесь уже несколько дней по утрам морозы. Кажется, они должны убить червя.

Между тем надлежало вам прибегнуть к наказующему и милующему Господу с общей молитвой. Мне сказывал один очевидец, что когда помещику в селе управитель донес о том, что червь повреждает поля, помещик тотчас пригласил священника, собрал народ. Пошли на поля, совершили освящение воды с молитвой, положенной на сей случай, окропили поля и края их, где опустошение означало след червя. На другой день управитель принес помещику с поля множество мертвых червей, в доказательство того, что бедствие кончилось.

Это было не в нынешнем году, но Бог и Господь наш *Иисус Христос вчера и сегодня Тот же и вовеки* (Евр. 13; 8). Взывайте ко Господу, да не до конца прогневается и не по грехам нашим воздаст нам, но да призрит на смирение наше, и *нищих Своих да насытит хлебом* (Пс. 131; 15). Припадем к Нему вместе.

10 сентября 1846 г.

Мир преподобной игумении Марии,
и сестрам, и обители!

Вопрос о девице Н. трудно разрешить благонадежно. Она жила у вас, и потом не захотела жить; потом жила в Одигитриевском общежитии, и опять не захотела жить, хотя и там, так же, как у вас, было о ней попечение. Посему не могу сказать решительно: «Примите ее». При том же ваша обитель наполнена и переполнена. Одно заслуживает внимания: у вас осталась келья, принадлежавшая девице Н. По уважению к сему обстоятельству, вот что можете сделать.

Предложите старшим сестрам: согласятся ли они иметь ее в обители месяца три как сестругостью. Если согласятся, примите ее на сие время, не обязываясь на дальнейшее. Когда же пройдет сие время, тогда смотрите, мирна ли она с сестрами и они с нею, и смотря по тому, опять совещайтесь с сестрами, согласятся ли принять ее решительно. Если и согласятся, надобно поместить ее не широко, без стеснения сестер, занявших места в обители прежде нынешнего ее прихода.

В благосклонности Одигитриевских не сомневайтесь. Они желали упокоить ее у себя, но не смогли сего достигнуть, и будут утешены, если она найдет покой у вас. И ваше с ними общение не пресеклось.

Общением нашим с Господом да расширится взаимное общение наше в Господе, да все в Нем

едино будем (Гал. 3; 28). Сего Вам желаю, сего и мне просите от Господа.

13 сентября 1846 г.

Мир Вам!

Если и со апостолами бывали беды от лжебратии, то не надобно дивиться, если с нашей немощью встречаются скорби от несовершенства братолюбия. Вы не будете иметь недостатка в людях, но жаль душу, которая в пристани волнуется и хочет в путь, сама не зная куда. Пожелайте добра отходящей, как пребывающей, и останьтесь в мире.

7 октября 1846 г.

Мир Вам и обители!

Ваш Ангел-Хранитель учит Вас тому, чтобы чисто созерцать Божественное в его безмерной высоте над ничтожностью человеческого, хотя и призванной в служение Божественному, по безмерному снисхождению тому, чтобы смирение было просто и чтобы под покровом его не скрывалось человекоугодия и кичливого хитрословия собственного разума. Примите наставление и внимайте себе.

Скажите Софье Ивановне, что Святейший Синод дал ей благословение быть Саррой, то есть душой, благодатно господствующей над страстями, желаниями и чувствованиями, или Соломией, то есть душой мирной, или иным кем угодно, кем на-

рицает и творит Дух Господень, облакая человека в ангельский образ. Господь да дарует ей облечься как в знамение, так и в свойство и добродетели спасаемых, и сохранит одежду невесты до дня брака Агнца.

Долго ли А. с именем сестры вашей обители будет жить в Москве в мирском доме? Хочет ли она дожидаться того, что случилось с Е. в Клину и дать вам другой труд ответа? Пока она считается вашею, Вы не свободны от обязанности не оставлять ее без внимания в волнах, а направлять куда-нибудь, только к берегу.

Однако Вы примите сие напоминание спокойно и делайте должное, не скорбя бесполезно.

25 октября 1846 г.

✠ 72 ✠

Преподобной игумении Марии — мир!

Что написать по просьбе бегствующей, тому она учит Вас очень буквально. Можете сказать, что соглашаетесь уволить ее с тем, чтобы не занимала вакансии в вашей обители. Но если и не прибавите сего условия, оно должно быть соблюдено.

Самооправдание — не монашеское качество, но оправдание дел управления необходимо. Думая написать оправдание, Вы пишете обвинение, говоря, что нечем было заплатить за лес. Отчего это, когда вам даны были деньги по смете и когда в некоторых материалах надлежало быть значительному сбережению денег. Надобно Вам подумать о сем, чтобы дело не было запутано и чтобы в ответственность по запутанности не впутали Вы и на-

чальство, Вамверяющее. Не беспокойтесь, а осмотрительность употребите.

Мир всем вам; легкого ветра легкомысленных слов человеческих не превращайте в бурю.

29 октября 1846 г.

✠ 73 ✠

Мир Вам!

Успокойтесь, преподобная мати. Если бы и подлинно немаловажная случилась неприятность, монашеское было бы дело — принять ее великодушно и преданностью Богу, пославшему искушение, утишить трепещущее сердце. Но Вы убоились *страха там, где не было страха* (Пс. 13; 5). Послушница взята начальством не за преступление, а за неимение письменного вида. Нашелся добрый человек, который засвидетельствовал, что она ваша, и ее отпустили, и беда кончилась. Вы поступили просто, а городничий поступил по строгости полицейской, и нельзя жаловаться, что она сильнее оказалась на большой дороге, нежели на проселочных. О происшествии сем и ко мне писано, и Консистория посему спрашивает Вас, но и это не беда. Спрашивать не значит оскорблять, и дать ответ не значит понести оскорбление.

Не тревожиться надо бы, а рассуждать; и рассуждение покажет, что Вам послано наставление быть осторожнее, увольнять не без нужды, с билетом, с означением места и времени. Менее было бы притязания, если бы не было сказано, что послушница без письменного вида была в Петербурге.

Что касается Е., надобно и ей спокойно принять случившееся, и даже с благодарностью к устройению Божию. Она некогда бегала от помещика. Причина бегства была хороша, но бегство есть нарушение закона. Закон гражданский не поймал ее, чтобы наказать, потому что провидение Божие хранило ее за добрую причину бегства, а теперь оно же допустило ей небольшое гражданское прещенье за бегство, чтобы показать, что всякое нарушение закона требует очищения, и благо нам, если очищение совершается временной скорбью.

Мир всей обители вашей.

30 октября 1846 г.

✻ 74 ✻

Мир и благословение от Господа преподобной игумении Марии и сестрам обители.

С благодарностью получил я Ваше письмо и благословенный хлеб от вашего праздника. Так как праздник пространнее отверзает двери молитве, то надеюсь, ваша праздничная молитва особенно во благо мне будет. Впрочем, и не в праздник да не забвен буду в молитвах ваших.

Мысль о Вашем неумении, внесенная в письмо, не для жалоб предназначенное, дает мне разуместь, что Вы не довольно спокойно смотрите на некоторые слова, дошедшие до Вас от меня через Консисторию. Напрасно. Если Вам сказано, чтобы не слишком многих принимали в обитель, то это не прещенье, а подкрепление Вам, чтобы Вы, когда нужно, могли отказать в принятии, не сетуя на

себя, а следуя направлению начальства и передавая его отказ, в чем уже, конечно, Вашей вины не будет.

О намерении г-жи Нарышкиной построить у вас церковь написано г. обер-прокурору, чтобы уважил ее просьбу. Между тем Вы молитесь спокойно в малом храме, не возбуждая в себе жажды иметь великий, который потребует немалых забот.

4 декабря 1846 г.

✻ 75 ✻

Преподобной игумении Марии
благословение Господне и мир!

Силою Креста Своего да исцелит Господь всякую скорбь Вашу и да дарует Вам утешение духовное!

Не зная в точности, какого рода молва о послушнице, огорчившая Вас, и из какого источника возникла клевета, не могу судить о сем определенно. Не думаю, чтобы игумения А. пренебрегла, если бы могла, возможностью противодействовать клевете. Но клевета не просит позволения у начальствующих и не принимает от них приказаний замолчать.

Говорил я Вам, что обучение музыке — не монастырское занятие. Если бы отказались от сего, меньше было бы нужды в сношениях с миром, подвергающих толкам и пересудам.

Правда, и пророк, видно, чувствовал тягость клеветы, когда написал: *избави мя от клеветы человеческой* (Пс. 118; 134). Но не надобно приписывать ей больше тягости, нежели есть. Иная

клевета изгоняет, приводит в нищету, повергает в темницу, — это тяжко. А то не легче ли, когда клевета проходит мимо ушей, как ветер? Войди в клеть твою и не слушай шума ветра.

Сравните двух человек: оговоренного клеветой и порицаемого справедливо. Который несчастливее? Конечно, порицаемый и виновный. Итак, подверженный молве клеветы — не самый несчастный. И может быть, не несправедливо сказать о том человеке: счастлив, что оклеветан молвой и не обвинен совестью.

Врачуйте уязвленное сердце здравым рассуждением, молитвой и упованием на Бога. И если опытом доказывается неприятность клеветы, то учите сестер не позволять себе много свободы в надежде на свою непорочность, но строгим наблюдением за собой, как броней, ограждать себя от стрел языка человеческого.

Господь да избавит от клеветы человеческой всех вверенных Вашему попечению, и да сохраните заповеди Его.

9 июля 1847 г.,
Троице-Сергиева Лавра.

✠ 76 ✠

Здравствуйте, преподобная мать игумения, душевно и телесно, Вы и сестры Ваши.

Мы здоровы, но не все. Помощник инспектора семинарии пошел из семинарского дома в дом отца, московского же священника, на именины своей матери. Прийдя, прежде нежели сели за

именинный обед, занемог и на другой день умер. Жаль отца, но кто мог сие предвидеть и не пустить сына к матери?

Не смущайтесь и Вы, что не предвидели, для чего отпустили вашу казначею в Москву. Вы желали ей здравия, а Господь, может быть, провидел, что Вы много страдали бы при виде ее кончины и погребении, и судил устранить от Вас сие зрелище. Она вступила в больницу благополучно, но прежде нежели началось лечение, поспешила перейти туда, где «нет ни болезни, ни печали, ни воздыхания». Прошу Вас принять сие с послушанием воле Отца Небесного, а послушные дети, если плачут, то не очень много и тихо. Господь да укрепит Вас. Великодушием и спокойствием охраните Ваше здоровье, особенно нужное теперь, когда помощница взята у Вас.

Не думайте только о преставившейся, а подумайте, кем заменить ее, и скажите мне.

27 ноября 1847 г.,
Москва.

✠ 77 ✠

Преподобной игумении Марии
Божие благословение и мир.

Вы жаловались, что Вам препятствуют молиться. Вы бы вспомнили авву, который, придя в царский дом, в ожидании царя стоял в углу и читал про себя часы.

Но благодарите Бога за то, что в другой раз дано Вам участвовать в молитве, благие последст-

вия которой вожделенны и драгоценны для Царского дома и России.

Благодарите Бога и за утешение встретить светлый взор возлюбленных Царя и Царицы и чад их и слышать слово милости.

Господь да управит возвращение Ваше.

26 февраля 1848 г.

✠ 78 ✠

Преподобной игумении Марии
и подвизающимся — мир и спасение.

Что Вы признаете свою вину в поспешном предприятии устроить церковь и в поспешной отмене предприятия, то хорошо, во-первых, потому, что всякое признание вины ведет к смирению, во-вторых, потому, что сие научает осторожности. Я же нимало не сетую на отмену предприятия, которое и прежде видел служащим не к пользе, а к обременению. Но не излишне было бы знать, как разместите Вы иконы и как на это смотрит вкладчица.

Тогда как одно поспешное предприятие расстроилось прежде начала, посланные Вами говорили мне о другом, гораздо более важном, — о приготовлении материалов для большой церкви. Если я неохотно согласился на первое, то тем более не должен спешить в последнем.

У вас есть церкви, чтобы вам молиться, следовательно, потребность обители удовлетворена. Строить церковь для многолюдства не есть нужда и обязанность обители, которая не для того построена, чтобы была погружена в постороннее мно-

голюдство. Если придет многолюдство молящееся, слава Богу! Но монастырь не виноват и не должен смущаться, если тесно посторонним. Если откроется возможность создать большой храм, Бог благословит усердствующих. Но силиться и спешить, и начинать дело при недостатке значило бы затруднять себя.

Время, кажется, не говорит: «Расширяйся и будь великолепен», а, кажется, говорит: *держи то, что имеешь* (Апок. 3; 11), береги, что есть. С терпением желаю, чтобы обитель ваша имела просторный храм; а более желаю, чтобы вы, пребывающие в ней, были церквами Бога Живого, и Дух Божий жил в вас, по слову Писания (см. 1 Кор. 3; 16).

Хорошо, что Вы вдали от шума и слухов. Слухов, озабочивающих более прежнего, нет, но нет также и утешающих. Небо дало дождь, но требует молитвы*.

24 мая 1849 г.,

Москва.

✠ 79 ✠

Преподобной игумении Марии —
о Господе радоваться и мирствовать!

Слава Богу, что есть утешающие послушанием, а если есть и такие, для которых нужно терпе-

---

* Письма с 78 по 80 опубликованы в журнале «Чтения в Обществе любителей духовного просвещения». 1868. Кн. 5. С. 135–140.

ние, то надобно думать, что и такие нам нужны, чтобы мы могли упражняться в терпении и при помощи Божией достигнуть в нем успеха. Где было бы терпение, если бы все было по желанию и терпеть было бы нечего?

Чтобы делать кирпичи для здания, к построению которого нет средств, надобно быть прозорливым и предвидеть, когда и какие средства откроются. Мне не дано сего дара, и потому я просто боюсь, чтобы поспешно сделанные кирпичи не рассыпались прежде начала строения.

Слышите о печали Государя Цесаревича и Государыни Цесаревны? Да утешит их Господь. Кажется, не трудно отпустить невинное дитя к Ангелам: они воспитают лучше земных наставников. Но как ни очевидны сии мысли, печально и с ними смотреть на сетующих родителей. Да дарует им Господь послушание судьбе Его, дабы, в послушании отдавая Ему принимаемую Им жертву, приобрели благословение к сохранению того, что имеют, и к восполнению понесенного лишения.

Благословение Господне Вам и сущим с Вами.

23 июня 1849 г.

✠ 80 ✠

Преподобной игумении Марии —
мир и спасение от Господа,
а также и сущим с тобою.

Если есть чувство равнодушия к земному, только бы душа не отторглась неба, то да хранит

душа сие чувство и да держится неба. Но сему не противоречит то, чтобы быть не равнодушным к скорбящему ближнему. В этом есть братолюбие, а оно не отторгает от неба. Надобно только заботу братолюбия умерить. Не забота поможет ближнему, а слово или дело утешения и молитва.

Господь да поможет игумении Саломии душевно и телесно. Но ни Вам идти к ней, ни ее брать к себе не было бы ни удобно, ни в порядке. Помолитесь о ней; скажите ей через письмо слово утешения, и затем — «друг друга и весь живот наш Христу Богу предадим», как ежедневно учит Церковь.

Вы говорите, что нет у Вас покаяния, а мне кажется, что оно есть в письме Вашем. Да дарует Вам Господь, чтобы Вы имели плоды покаяния, а не то, чтобы их видели.

Письмо Государя Цесаревича у княжны Анастасии Михайловны. Надеюсь, она Вам возвратит. Радуюсь, что высокие призирают на смиренных. Поучимся у них смирению, и добротой их да возбуждаемся к приятной о них молитве.

Имейте мир в Господе и на Его милосердие возлагайте печали Ваши. Нельзя без них, когда живем, как Вы сами говорите, во юдоли плачевной. Посему Господь и принял Себе имя Утешителя. И, конечно, не перестанет быть тем, чем Себя именует.

30 января 1850 г.

В каждом христианине Христос — воюющий и побеждающий, и Он же — призывающий Бога и молящийся, благодарящий, и благовествующий, и ищущий с молитвой и смирением. Все это действует Христос, радуясь, когда видит, что в каждом христианине пребывает то убеждение, в котором они исповедуют, что Христос есть действующий все это. Потому всякий христианин относительно его добрых дел должен исповедовать, что их совершает Христос, а не он; кто же не так помышляет об этом, тот напрасно называется христианином.

Христос Господь для всякого верующего в Него бывает силой рассуждения, мощью разума, крепостью мудрости; державой правды, основой любви к Богу и людям, действенностью всякой святой заповеди и воли Божией, неким разумным и обратившимся в природу отвлечением ко всякому злу и греху, всякой похоти и лукавству. Христос Господь — наша надежда и наш мир. Без Господа Иисуса не только никто не может делать добро, но и всякий бывает отдален от Бога. Одного только требует Господь от всякого верующего в Него — того, чтобы он всецело вверил себя Ему — Христу Господню, то есть чтобы имел полную надежду на Него и питал непоколебимую уверенность, что только силой Христовой, а не своей собственной он может спастись. И только тот настоящий христианин, кто возлагает всю надежду на одного Христа, верит, что Он один все в нем исправит и укрепит его и по душе, и по телу. Когда же потом за этой верой последует и дело, тогда рождается любовь ко Христу, то есть когда кто на деле получит то, что надеялся получить от Христа, и почувствует это, тогда возлюбит Его

Преподобный Симеон Новый Богослов